ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Под редакцией
доктора юридических наук В.А. Уткина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003

УДК 347.9
ББК 67.692.0
П 77

Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного
П 77 права: Сб. статей / Под ред. В.А. Уткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 134 с.

ISBN 5-7511-1772-7

В сборник включены материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона (1923–1985). Конференция состоялась в Томском государственном университете 25–26 сентября 2003 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов и курсантов юридических вузов, практических работников уголовно-исполнительной системы.

УДК 347.9
ББК 67.692.0

ISBN 5-7511-1772-7

© Томский государственный университет, 2003

А.Л. РЕМЕНСОН И ТОМСКАЯ ШКОЛА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В.А. Уткин

Практически все современные учебники по уголовно-исполнительному праву упоминают томскую школу уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права в числе наиболее известных, плодотворных и перспективных в отечественной пенитенциарной науке[1]. Имя ее основателя – заслуженного юриста России, профессора Александра Львовича Ременсона (1923–1985) – занимает достойное место в ряду таких выдающихся отечественных пенитенциаристов, как Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков, Г.А. Туманов, И.В. Шмаров. Как один из крупнейших ученых-теоретиков, А.Л. Ременсон оставил фундаментальное научное наследие, составляющее свыше ста научных работ в области криминологии, уголовного права, но особенно исправительно-трудового права[2]. А.Л. Ременсон внес огромный вклад в развитие общей теории наказания, теоретических основ исправительно-трудового права.

Научно-педагогическая деятельность фронтовика, выпускника аспирантуры ЛГУ А.Л. Ременсона в Томском университете началась в 1951 г., когда юридический факультет ТГУ переживал период своего восстановления.

В Томск А.Л. Ременсон прибыл уже как сложившийся ученый, имея за плечами блестяще защищенную кандидатскую диссертацию «Наказание и его цели в советском уголовном праве», выполненную под руководством одного из патриархов советской уголовно-правовой науки профессора М.Д. Шаргородского. Едва ли нужно говорить о том, что

---

[1] См., напр.: Уголовно-исполнительное право: Учебник. М.: Бек, 1996. С. 27; Уголовно-исполнительное право: Учебник М.: Бек, 1998. С. 28; Уголовно-исполнительное право России. М.: Юристъ, 2001. С. 35; Уголовно-исполнительное право России. М.: Норма, 2002. С. 585–589; Уголовно-исполнительное право России. 3-е изд. М.: Юристъ, 2003. С. 35–36 и др.

[2] Подробнее см.: *А.Л. Ременсон*. Избр. труды: К 80-летию со дня рождения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.

для высказывания ряда концептуальных идей диссертации в тот период необходимо было обладать не только научной, но и гражданской смелостью. Это, в частности, касается положений об ограниченности функций и вспомогательном характере уголовного наказания, о вине как общем и единственном основании уголовной ответственности.

На юридическом факультете ТГУ А.Л. Ременсон возглавил кафедру уголовного права и процесса, продолжая развивать гуманистические принципы применительно к вопросам общего учения о наказании. Это вопросы понятия наказания, его индивидуализации и конструирования уголовно-правовых санкций, проблемы общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Считая кару сущностью наказания, А.Л. Ременсон последовательно выступал против выдвижения перед наказанием цели кары, обращал внимание на историческую изменчивость соотношения в наказании принуждения и воспитания.

Логическим продолжением отстаиваемых А.Л. Ременсоном гуманистических идей в общей теории наказания стало обращение его в середине 1950-х гг. к проблемам исполнения наказания, которое и положило начало формированию томской школы исправительно-трудового права. Ее становление в Томском государственном университете происходило в условиях восстановления начал законности и ликвидации наиболее одиозных и мрачных сторон деятельности ГУЛАГа. Томский университет стал одним из немногих общегражданских высших учебных заведений, где с конца 1950-х гг. на юридическом факультете началось преподавание исправительно-трудового права и изучение организационно-правовых сторон исполнения уголовных наказаний, и в первую очередь – наказания в виде лишения свободы. Весьма знаменательным был уже сам факт обращения ученых гражданского вуза к проблематике, которая традиционно была закрытой для науки и общественности.

В основе деятельности томской школы лежит концепция соединения наказания с мерами некарательного исправительного (исправительно-трудового) воздействия, которая последовательно проводилась в жизнь А.Л. Ременсоном, а ныне активно проводится его учениками.

А.Л. Ременсон выступал против концепции так называемого «сложного» состава уголовного наказания, считая вместе с тем соединение наказания с некарательными исправительными мерами необходимым условием эффективности его исполнения. В этой связи А.Л. Ременсон ввел в научный оборот и практику исполнения наказания термин «карательно-воспитательный процесс». Наиболее полно эта позиция была изложена А.Л. Ременсоном в его докторской диссертации «Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных», которую он блестяще защитил в 1965 г.

Идеи о соединении наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, о понятии и содержании карательно-воспитательного процесса оказали заметное влияние на разработку советского исправительно-трудового законодательства и легли в основу теории исправительно-трудового права.

А.Л. Ременсоном была выявлена и глубоко изучена противоречивая этическая характеристика уголовного наказания как методологическая основа реализации принципа экономии репрессии. Определяя пути эволюции исправительно-трудового права, А.Л. Ременсон предвидел трансформацию его в более широкую отрасль законодательства, регулирующую не только исполнение всех наказаний, но и осуществление в отношении осужденных целого комплекса воспитательно-профилактических мер с широким участием общественности. Особое внимание он уделял факторам эффективности карательно-воспитательного процесса в местах лишения свободы под углом зрения последующей социальной адаптации освобожденных от наказания.

Важный этап развития томской школы связан с активной разработкой самим А.Л. Ременсоном и его учениками указанной концептуальной линии вширь и вглубь. Здесь можно отметить исследования режима исполнения лишения свободы (А.В. Дымерский, К.В. Мазняк, Е.М. Захцер), труда осужденных (А.И. Зубков, Н.И. Ланкин), индивидуализации карательно-воспитательного воздействия на осужденных (Ю.Ф. Кардоголов), участия общественности в перевоспитании осужденных (В.А. Елеонский), административного надзора за лицами, освобожденными из ИТУ (А.С. Бондаренко). При этом целый ряд исследований осуществлялся на стыке с другими отраслями права и управления: взаимодействие суда и исправительно-трудовых учреждений (И.Е. Карасев), становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (А.Ф. Кузьмина), реализация строго регламентированного внутреннего распорядка ИТУ (Н.К. Дорофеев), особенности перевоспитания отдельных категорий осужденных (В.В. Тирский, М.А. Дутов).

Особенность томской школы – теснейшая связь фундаментальных исследований с практикой. Немалое место в деятельности школы занимала и занимает экспериментальная работа. Ее результаты во многом обусловили принятие соответствующих нормативных актов, сыграли важную роль в кодификации исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969–1971 гг.

Следует отметить плодотворную разработку А.Л. Ременсоном проблем воспитательной роли карательного воздействия. Указывая, что кара является одним из основных средств исправления осужденных, он тем не менее подчеркивал ее ограниченный воспитательный потенциал.

Гуманистический подход к проблемам исполнения наказания А.Л. Ременсон демонстрировал и в научном анализе правового статуса осужденных. Ряд высказанных им идей относительно принципов определения этого правового статуса по прошествии десятилетий нашли отражение в действующем российском уголовно-исполнительном законодательстве.

Высокий научный авторитет томской школы исправительно-трудового права и полученные ею результаты стали главными причинами образования в Томском университете в 1972 г. проблемной лаборатории по вопросам борьбы с рецидивной преступностью в Сибири (заведующие лабораторией канд. юрид. наук Л.М. Прозументов, канд. юрид. наук В.Г. Швыдкий). Среди гражданских вузов СССР она в тот период была единственным научным подразделением со столь специфическим направлением исследований.

В 1978 г. в структуре юридического факультета ТГУ была образована самостоятельная кафедра криминологии и исправительно-трудового права (заведующий – профессор А.Л. Ременсон).

В последние годы жизни А.Л. Ременсона он и его ученики сосредоточили внимание на экспериментальной работе по развитию трудовой и общественной активности осужденных, а также исследовании отдельных принципов исправительно-трудового права (Л.М. Прозументов, В.А. Уткин, Ю.К. Якимович), отдельных сторон деятельности исправительно-трудовых учреждений и иных органов, исполняющих наказания (А.К. Музеник, А.В. Усс, В.Г. Швыдкий).

В конце 80-х гг. представители томской школы активно занимаются проблемами предупреждения рецидивной преступности, развития позитивной общественной и трудовой активности осужденных в ИТУ, постпенитенциарного контроля. В 1990 г. в Харьковском юридическом институте успешно защищает докторскую диссертацию В.А. Уткин, в 1991 г. (там же) – О.В. Филимонов.

В начале 90-х гг. сотрудники кафедр и проблемной лаборатории приняли активное участие в разработке нового исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства России. По поручению Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР авторский коллектив сибирских ученых под руководством профессора В.А. Уткина разработал проект альтернативного Исправительно-трудового кодекса РФ. В дальнейшем представители научной школы (В.А. Уткин, Н.И. Ланкин) активно участвовали в подготовке новой кодификации уголовно-исполнительного законодательства. Им принадлежит ряд статей действующего УИК РФ 1997 г.

С середины 90-х гг. начинается тесное сотрудничество томской школы с международной организацией «Penal Reform International» (PRI). Будучи членом PRI, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии профессор В.А. Уткин принял участие в международных конференциях в Гааге (1994), Лондоне (1999), Стокгольме (2001), Риге (2002), где внес вклад в подготовку итоговых докладов и резолюций. В 1996 и 2000 гг. ряд сотрудников кафедры и лаборатории удостоены премии администрации Томской области в сфере науки и образования.

Успешно защитил в ТГУ докторскую диссертацию в 1999 г. Л.М. Прозументов.

В 2001–2003 гг. томская школа уголовно-исполнительного права осуществляла научное руководство международным проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации», реализуемым при поддержке департамента международного развития Великобритании и международной организацией PRI, а также рядом других проектов (например, проект «Юридическая клиника в местах лишения свободы»).

Томская школа поддерживает научные связи с Главным управлением исполнения наказаний Минюста России (зам. начальника ГУИН – «питомец» школы О.В. Филимонов), Рязанской академией права и управления МЮ РФ (бывший ее начальник права и бывший зам. начальника ГУИН – ученик А.Л. Ременсона профессор А.И. Зубков), с Управлением уполномоченного по правам человека в РФ (представитель школы – д-р юрид. наук В.И. Селиверстов), с другими органами, научными и учебными учреждениями. Один из представителей томской школы – д-р юрид. наук А.В. Усс – ныне возглавляет Законодательное собрание Красноярского края.

Благодаря высокому уровню исследований, признанному научному авторитету, тесной связи с практикой и учебным процессом томская школа уголовно-исполнительного права продолжает оставаться одной из ведущих в России в этой отрасли юридических знаний.

А.Л. РЕМЕНСОН КАК УЧЕНЫЙ

В.Д. Филимонов

Роль А.Л. Ременсона в организации и развитии науки определяется тем, что он, во-первых, явился организатором научных исследований по уголовному праву, а позднее по криминологии и исправительно-трудовому праву, после восстановления юридического образования в Томском университете в послевоенные годы, а во-вторых, тем, что он стал создателем томской школы исправительно-трудового права.

А.Л. Ременсон никогда не ставил перед собой задачи стать организатором научных исследований и создателем своей научной школы. То и другое явилось следствием его добросовестного и заинтересованного отношения к своему служебному и общественному долгу, его преданности науке.

Добиться впечатляющих успехов в научной работе ему позволили полученное образование, выдающиеся способности и замечательные качества организатора. Большую роль в этом сыграло и присущее ему чуткое и благожелательное отношение к людям.

Какие качества выделяли А.Л. Ременсона из числа многих других ученых? Прежде всего, его незаурядная способность генерировать научные идеи. Широкая эрудиция, умение глубоко анализировать и обобщать имеющиеся и полученные знания позволяли ему находить оригинальные решения научных проблем, прогнозировать развитие явлений, добиваться научных результатов.

А.Л. Ременсон поступил на работу в Томский университет весной 1951 г. после окончания аспирантуры Ленинградского университета. Его научным руководителем был известный ученый профессор М.Д. Шаргородский, а темой кандидатской диссертации – «Наказание и его цели в советском уголовном праве». Интерес к проблемам уголовного наказания А.Л. Ременсон сохранил на всю жизнь.

Творческие способности А.Л. Ременсона проявились уже в первые месяцы его пребывания на юридическом факультете. Запомнились его блестящие полемические выступления на заседаниях студенческого

научного кружка и на студенческой научной конференции. В дискуссиях с работавшим тогда в университете А.Я. Эренбургом по проблемам причинной связи в уголовном праве, которые оживленно обсуждались в научной среде, он впервые проявил себя как научный работник с большим творческим потенциалом. В дальнейшем исследовательские способности А.Л. Ременсона проявились в интересных научных публикациях и докладах. Наиболее яркое выражение они получили в его докторской диссертации.

Другая отличительная особенность А.Л. Ременсона – его способность формировать вокруг себя творческую атмосферу. Она возникала в результате его постоянного общения со студентами, практическими работниками и коллегами по работе.

Автору этих строк, знавшему А.Л. Ременсона с первых дней его пребывания в Томске и проработавшему с ним сначала на одной, а затем на смежных кафедрах на протяжении нескольких десятилетий, много раз приходилось быть свидетелем или участником его бесед с практическими работниками, преподавателями и научными сотрудниками. Обращало на себя внимание его постоянное стремление вникнуть в те производственные и иные проблемы, с которыми сталкивались его собеседники, и подсказать возможные пути их разрешения. Очень часто именно в результате такого общения у его собеседников возникал интерес к самостоятельному поиску решений различных производственных и научных вопросов. Возникавшая при этом взаимная заинтересованность в общении часто приводила к появлению устойчивых творческих связей А.Л. Ременсона и с учеными, и с практическими работниками. Под влиянием такого общения некоторые работники суда, прокуратуры, органов внутренних дел и общественных организаций переходили работать на кафедру (В.А. Елеонский, А.И. Чернышев и др.), поступали в аспирантуру, становились сотрудниками организованной А.Л. Ременсоном проблемной лаборатории.

С большой любовью относились к А.Л. Ременсону студенты. Популярными у них были и некоторые другие преподаватели, которые располагали их к себе в основном тем, что вникали в проблемы их личной жизни, старались помочь им в их разрешении. В отличие от них, А.Л. Ременсон обращался главным образом к внутреннему миру студентов. В индивидуальных беседах с ними он помогал им в учебных делах и творческих начинаниях, пробуждал у них интерес к учебе и научному поиску. Формировавшаяся и в таких случаях творческая атмосфера способствовала притоку в аспирантуру способных молодых людей, пополнению творческого потенциала кафедры и проблемной лаборатории.

Третьей особенностью А.Л. Ременсона как ученого являлась его способность, используя сформировавшуюся вокруг него творческую атмосферу, организовать успешное проведение крупных и интересных научных исследований. Он не был большим организатором в общепринятом смысле этого слова. Ему не были присущи свойства руководителя, умеющего добиваться выделения на исследования больших денежных средств, помещения и т.п., строго требовать с исполнителей результатов проделанной работы. Но он умел объединить сотрудников в исследовании научных проблем, правильно поставить им задачу, помочь найти методы разрешения возникающих вопросов, подсказать, какую при этом юридическую, философскую, психологическую и иную литературу можно использовать, а главное, он умел заинтересовать исполнителей в творческих результатах их работы.

Стержнем проводимых кафедрой и проблемной лабораторией исследований являлась его собственная научная работа. Он был автором многих научных идей, которые часто и бескорыстно раздаривал не только своим ученикам, но и другим ученым. К сожалению, он не уделял необходимого внимания публикации своих научных работ. Основной труд А.Л. Ременсона – его докторская диссертация «Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных» – остался неопубликованным. После успешной защиты им докторской диссертации один из его официальных оппонентов Б.С. Никифоров прислал в деканат юридического факультета письмо с рекомендацией опубликовать ее в полном объеме. Сделать это оказалось невозможно, так как факультету в то время выделялось для публикаций очень мало печатных листов. Поэтому в настоящее время те, кто занимается исследованием проблем уголовно-исполнительного права, для ознакомления с диссертацией А.Л. Ременсона вынуждены обращаться в Российскую государственную библиотеку.

Хочется поделиться воспоминаниями об одном из методов работы А.Л. Ременсона над докторской диссертацией. В процессе ее написания он не придерживался заранее составленного плана работы. Разрабатывались конкретные проблемы исправительно-трудового права. Подготовленные черновые разделы диссертации он передавал автору настоящих воспоминаний с просьбой высказать свои замечания. Последующие обсуждения с ним этих разделов вызывали недоумения, так как большинство замечаний он решительно отвергал. Возникал вопрос, для чего́ тратить время на чтение и обсуждение разделов диссертации, если они не дают заметных положительных результатов? Тем не менее А.Л. Ременсон настаивал на продолжении такого рода обсуждений. Смысл всей этой работы прояснился позже. Дело в том, что в процессе обсуждения

А.Л. Ременсон, стремясь опровергнуть доводы оппонента, выявлял новые аргументы в обоснование своей позиции, в его голове рождались новые мысли, относящиеся как к обсуждаемому разделу работы, так и к другим ее частям. В доработанном варианте диссертации все эти доводы и мысли были приведены и использованы. Диссертация стала убедительнее и богаче по содержанию.

Еще одна особенность А.Л. Ременсона как ученого состояла в его способности убеждать других в правильности своих идей. Эта его черта проявлялась, конечно, не в каком-то его особом психологическом воздействии на слушателей, а в глубокой аргументированности его соображений.

Все указанные особенности личности А.Л. Ременсона и обусловили появление его научной школы. Она не возникла бы, если бы А.Л. Ременсон не обладал способностью генерировать научные идеи. При отсутствии идей никакая школа сформироваться не может. Она не могла бы появиться на свет, если бы А.Л. Ременсон не обладал способностью создавать вокруг себя творческую атмосферу. Без вовлечения в научную работу других лиц можно добиваться лишь индивидуальных научных достижений. Научная же школа в обязательном порядке предполагает последователей. Возникновение школы А.Л. Ременсона было бы невозможно без проделанной ее создателем большой организационной работы. Наконец, ее не могло бы быть, если бы она не основывалась на убедительных научных положениях. В этом случае не было бы необходимого для любой научной школы объединяющего начала.

Научные достижения А.Л. Ременсона и его школы исправительно-трудового права – это результат его собственной работы и возглавляемого им творческого коллектива. Они стали возможны, прежде всего, благодаря его незаурядному уму, его интеллекту. Но чтобы сплотить людей в устойчивый творческий коллектив, необходимо еще и благожелательное к ним отношение. Это уже нравственное качество, и этим нравственным качеством А.Л. Ременсон обладал в полной мере. На протяжении всей своей жизни он постоянно проявлял самое доброе и внимательное отношение к тем, кто с ним работал, и к тем, кто его окружал.

А.Л. РЕМЕНСОН КАК ПЕДАГОГ

В.В. Тирский

Известно, что учебная дисциплина воспринимается студентами через призму личности преподавателя, ведущего эту дисциплину. А.Л. Ременсон был из тех педагогов, которые умеют привлечь внимание к себе и предмету неожиданными, порой шокирующими аудиторию, приемами, разворотами мысли по ходу изложения материала, вкраплениями в «тело» лекции примеров из художественной литературы и судебной практики, остроумными анекдотами и сюжетами из повседневной жизни.

Навсегда запомнилось начало первой лекции по уголовному праву, состоявшейся в октябре 1957 г. В 11-й аудитории БИНа приехавшие недавно с полевых работ, где они наблюдали за полетом первого спутника Земли, второкурсники бурно обсуждали события лета и осени. Вдруг открылась дверь в аудиторию, и буквально с самого порога вошедший до этого неизвестный нам мужчина начал негромко говорить: «Когда советские люди запускают в небо спутники, совершая подвиг, есть на Земле люди, которые мешают нам жить, совершая преступления...» Смех и говор моментально стихли, и обомлевшие от неожиданного контраста студенты стали потихоньку присаживаться, не спуская глаз с такого странного лектора. Надо представлять энтузиазм, с которым воспринимался нами запуск первого спутника, чтобы оценить находку педагога, сыгравшего на контрасте «самого-самого» возвышенного и передового с «самым-самым» порицаемым и низменным, чтобы зародить интерес к уголовно-правовым запретам и рельефно обрисовать их планетарную значимость.

А.Л. Ременсон любил работать со студентами и с удовольствием отмечал малейшую интеллектуальную самостоятельность и тягу студента к научному исследованию. Помню, после представления отчета по производственной практике, которую я проходил в одном из судов Иркутска и набрал материалы о преступности несовершеннолетних, он почти в приказном порядке заставил меня делать доклад на заседании научного кружка студентов. Точно так же почти через десять лет мне пришлось сделать доклад для членов научного кружка по материалам диссертации об особо опасных рецидивистах.

Работу научного студенческого кружка он лично курировал и в основном из его членов готовил затем работников для своей кафедры. Естественно, что для них впоследствии выступление с научными докладами на конференциях факультета и кворумах более высокого уровня оказывалось делом привычным и обычным. Сам он на всех научных конференциях непременно выступал с докладами, чего требовал и от всех работников кафедры.

А.Л. Ременсон ответственно относился к воспитанию студентов, расширению их кругозора, формированию мировоззрения. Так, студентов курируемого кафедрой курса, особенно комсоргов и старост студенческих групп, он поочередно приглашал на кафедру и раз в неделю вел с ними беседы о прошедших в мире событиях, что заставляло студентов глубже их осмысливать.

Удивляло и восхищало отношение А.Л. Ременсона к учебному процессу. Будучи аспирантом, я посещал его лекции по общей части уголовного права. Однажды в ноябре 1969 г. к началу лекции он не явился, студенты заволновались. Я пошел его разыскивать и встретил недалеко от входа в главный корпус университета. Одной рукой он держал папку с материалом для лекции, второй зажимал нос, из которого буквально хлестала кровь. «Володя, – сказал он мне, – иди, скажи студентам, что я здесь, пусть не расходятся. А мне принеси снега. Если через 15 минут кровотечение не прекратится, пойдешь вместо меня читать лекцию». Я носил с улицы снег, он прикладывал его к носу, студенты ждали. Когда кровотечение прекратилось, он сам прочел лекцию. Тема лекции – объект преступления. Она запомнилась мне так, как запоминается все в экстремальной ситуации. За этот эпизод А.Л. Ременсон не был отмечен наградой или благодарностью руководства. Да вряд ли и сам он рассматривал этот поступок как нечто из ряда вон выходящее при сопоставлении с фронтовыми буднями, но для меня это был воспитательный урок на всю оставшуюся жизнь. И когда молодые преподаватели срывают занятия и неуважительно относятся к студентам, я всегда привожу им в пример этот поступок А.Л. Ременсона как последний аргумент, что учебный процесс для педагога высшей школы дело святое, а студент – его главный субъект, ради которого мы живем.

Преподавательскую карьеру я начинал в Красноярске на юридическом факультете Томского госуниверситета. Туда в составе государственной комиссии по приему итоговых экзаменов приезжал А.Л. Ременсон. Задаваемые им вопросы были настолько оригинальны, что всякая яркая острота среди студентов после экзаменов порождала реплику – «не ременсонь». Один из его вопросов не потерял актуальности и по сей день. Преступник предлагает даме снять дорогую шубу, иначе он сейчас откроет коробочку и выпустит на даму тифозных вшей (в современном варианте – энцефалитных клещей). Что это? грабеж, разбой, вымогательство?

При работе на практических занятиях по уголовному праву он ставил вопросы так, что приходилось постоянно вертеть в руках Уголовный кодекс, а при проведении занятий по статистике высоко ценил умение студента решать задачи.

А.Л. Ременсон дорожил дружескими связями с практическими работниками, организовывая совместно с ними многочисленные научно-практические конференции в разных регионах страны, куда, по возможности, вывозил всех своих «кафедральных птенцов», где они апробировали практическую ценность своих теоретических замыслов. Научный потенциал кафедры А.Л. Ременсон щедро использовал для оказания помощи в научных исследованиях практиков и в написании ими диссертаций. Некоторые из них после зашиты диссертации стали педагогами высшей школы, причем не только ведомственных вузов. С другой стороны, взращенные им научные работники становились практическими работниками крупных ведомственных подразделений.

Выросшие рядом с ним ученые возглавляли или возглавляют вузы и крупные подразделения различных учебных заведений, входили или входят в высшие органы представительной, исполнительной и судебной властей. Все прошедшие школу А.Л. Ременсона научные работники, какими бы разными они ни были, чем-то похожи друг на друга, все они немного «ременсонят». И это его лучший памятник, который он сам себе воздвиг при жизни. Он умел и учил нас видеть в человеке лучшее и показывать обладателю эти лучшие его черты, особенно тогда, когда он сам их в себе не видит или явно недооценивает. Такой подход к коллегам невольно создавал на кафедре атмосферу взаимного уважения, а в научных исследованиях «подпитывал» идею «опоры на положительное» при перевоспитании осужденных.

Не могу не отметить его скромности в запросах бытового характера. Однажды я пригласил его к себе в гости и поинтересовался, какое блюдо он хотел бы видеть на столе непременно. Он ответил: «Картошку в мундирах». Я даже растерялся и сначала подумал, что он шутит, потому что нет ничего проще, чем сварить картофель при его наличии. Но на всякий случай блюдо это было подано на стол и действительно было потреблено в первую очередь. Видимо, оно живо напоминало фронтовые дни, когда горячая картошка приносила счастье, отдавая теплом мирной жизни.

Изложенные штрихи к портрету А.Л. Ременсона далеко не исчерпывают масштаба его Личности, но хотелось бы, чтобы начинающие ученые и педагоги высшей школы как можно больше знали о тех предшественниках, которые были первооснователями юридического факультета ТГУ в послевоенные годы.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ПРОФЕССОРА А.Л. РЕМЕНСОНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТОМСКОМ ФИЛИАЛЕ АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ МИНЮСТА РОССИИ

А.Ф. Любарский

Общеизвестна истина, что без прошлого нет настоящего, и пренебрегать им не только недостойно, но и не следует. В связи с этим нынешняя межрегиональная научно-практическая конференция по уголовному, уголовно-исполнительному праву и криминологии, посвященная 80-летию со дня рождения выдающегося ученого и педагога высшей школы, доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Ременсона, примечательна не только тем, что отдается дань уважаемому человеку, основателю томской пенитенциарной школы, но и тем, что является своеобразным отчетом по материализации его теоретико-правовых идей, значительная часть которых не потеряла своей актуальности и в XXI в. Более того, в условиях дальнейшей гуманизации процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы они привлекают особо пристальное внимание с позиции формирования правового государства в Российской Федерации.

Нет необходимости, по нашему мнению, заострять внимание на характеристике научного вклада профессора А.Л. Ременсона в развитие теории наказания в уголовном и исправительно-трудовом (в новой терминологии уголовно-исполнительном) праве, так как о нем сегодня коллегами сказано немало. В то же время хотелось бы обратить внимание участников конференции на ту роль профессора А.Л. Ременсона, которую он сыграл при решении вопроса об открытии и становлении Томской школы усовершенствования начальствующего состава лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР (ныне Томский филиал Академии права и управления Минюста России). Интерес профессора А.Л. Ременсона был не случаен, так как, являясь в то время начальником кафедры криминологии и исправительно-трудового (ныне уголовно-исполнительного) права, он стремился по мере возможности проводить апробацию своих идей с использованием мнения практических работников.

Данный подход являлся взаимовыгодным взаимодействием науки и практики, что находило свое выражение не только в рекомендациях для практических работников по реализации норм исправительно-трудового (ныне уголовно-исполнительного) права, но и внесением полноценных и экономически обоснованных предложений по дальнейшему совершенствованию исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства.

Сложившееся под руководством профессора А.Л. Ременсона относительно самостоятельное, по общему признанию, научное направление в науке исправительно-трудового права о соединении наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, о понятии и содержании исправительно-воспитательного процесса оказывало важное влияние на процесс обучения сотрудников исправительно-трудовой (уголовно-исполнительной) системы в созданной на основании приказа МВД СССР от 30 декабря 1981 г. школе усовершенствования начальствующего состава лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР (далее ШУНС МВД СССР).

Кроме того, значимыми для процесса обучения сотрудников исправительных учреждений являлись теоретические и практические материалы, получаемые по результатам исследований, проводимых научно-исследовательской лабораторией по проблемам предупреждения рецидивной преступности в Сибири юридического факультета ТГУ.

Следует напомнить участникам конференции, что согласно п. 1.1 Положения о школе усовершенствования начальствующего состава МВД, утвержденного приказом МВД СССР от 16 августа 1982 г. № 273, Томская ШУНС МВД СССР являлась учебным заведением, основное назначение которого – повышение квалификации и переподготовка специалистов для лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР. Кроме того, в школе также могли проводиться первоначальная подготовка рядового и начальствующего состава МВД СССР, обучение работников органов внутренних дел стран социалистического содружества и развивающихся стран.

Реализация возложенных на учебное заведение задач в первоначальный период его становления проходила при максимальной поддержке возглавляемой профессором А.Л. Ременсоном кафедры криминологии и исправительно-трудового права юридического факультета Томского государственного университета.

В связи с этим хочется выразить большую благодарность и признательность за ту неоценимую помощь, которую оказывал и оказывает коллектив названной кафедры в становлении и дальнейшем развитии этого учебного заведения. Признанный специалист пенитенциарного

дела, профессор А.Л. Ременсон не только сам участвовал в учебном процессе школы, но и привлекал профессорско-преподавательский состав кафедры и юридического факультета, а также являлся научным руководителем преподавателей школы по подготовке диссертационных исследований пенитенциарного профиля. Необходимо отметить, что в числе первых, кто проводил в школе занятия с сотрудниками лесных исправительно-трудовых учреждений и сотрудниками милиции УВД Томской области, были профессора А.И. Ким, М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович, доценты В.Г. Швыдкий, Л.М. Прозументов (ныне доктор юридических наук, профессор), Н.И. Ланкин и ряд других преподавателей юридического факультета Томского государственного университета.

Привнесенный таким образом опыт педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава юридического факультета ТГУ способствовал профессиональному становлению принятых в школу практических работников, успешному и качественному проведению учебных занятий.

Во взаимодействии с педагогическим коллективом кафедры юридического факультета преподавательский состав школы, основываясь на имеющемся опыте кафедры, особое внимание уделял качеству учебно-методического обеспечения учебного процесса. Это находило выражение в разработке учебных и учебно-тематических планов, рабочих программ учебных дисциплин, учебно-методических материалов для проведения практических и семинарских занятий. При этом профессорско-преподавательский состав кафедры, так же как и юридического факультета, выступал не только в качестве рецензентов, но и в качестве авторов и соавторов учебных и учебно-методических материалов.

Заложенные профессором А.Л. Ременсоном основы совместного сотрудничеств кафедры криминологии и исправительно-трудового права и нашего учебного заведения (в новом статусе филиал АПУ Минюста России) нашли свое дальнейшее развитие благодаря его ученикам, в числе которых следует отметить профессоров В.А.Уткина, Л.М. Прозументова, доцентов Н.И. Ланкина, В.Г. Швыдкого и др.

При этом одним из приоритетных направлений такого сотрудничества в нынешних условиях является научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава, которая осуществляется под руководством профессоров ЮИ ТГУ В.А. Уткина, С.А. Елисеева, Ю.К. Якимовича, М.К. Свиридова и др.

В настоящее время 13 преподавателей филиала осуществляют разработку диссертационных исследований, из которых 70% направлены на

решение теоретических и прикладных проблем исполнения уголовных наказаний по следующим направлениям:

– философские, гуманитарные и социально-экономические аспекты (проблемы) исполнения уголовных наказаний и организации деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;

– совершенствование правового обеспечения исполнения уголовных наказаний и организации деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;

– исследование проблем состояния правопорядка и обеспечения безопасности в местах лишения свободы, профилактики рецидивной преступности, организации борьбы с наркоманией в ИУ;

– совершенствование правового регулирования реализации основных средств исправления осужденных, методическое обеспечение психолого-педагогического воздействия на лиц, отбывающих уголовные наказания;

– правовые, организационные основы и тактика применения мер безопасности сотрудниками УИС в условиях сложной оперативной обстановки, экстремальных и чрезвычайных ситуациях.

В реализации названных направлений принимают участие как преподаватели нашего филиала, так и профессорско-преподавательский состав Юридического института ТГУ.

Вследствие этого наметилась положительная тенденция расширения проводимых научно-исследовательских работ. Если в 2001 г. план научной работы включал 21 позицию, то в 2002 г. количество позиций возросло на 10 или 32% и составило 31 позицию, в 2003 г. их количество по сравнению с 2002 г. возросло на 50% и составило 62. Количество научно-исследовательских работ, выполненных в 2002 г., составляет 31, в том числе по заданию (заявкам) ГУИН Минюста России «Альтернативы тюремному заключению» – 1, по заявкам территориальных органов УИС – 12, по инициативе образовательного учреждения – 17, совместно с другими вузами г. Томска – 1 (Юридическая клиника). За период с июня 2001 г. по 2002 г. количество научных и учебно-методических разработок на каждого преподавателя возросло с 1,75 в 2001 г. до 2,5 в 2002 г.

Специфической особенностью научно-исследовательской работы в филиале являются характер и структура научной продукции, которая в основном реализуется в виде учебных, учебно-методических пособий, учебно-практических рекомендаций, проектов ведомственных нормативных актов, обобщений передового опыта.

Только в 2003 г. совместными усилиями издано 5 учебных и 3 учебно-методических пособия, 13 рабочих учебных программ, 15 методических рекомендаций по подготовке рефератов и выполнению контрольных работ, 18 научных статей.

В рамках совместного сотрудничества в числе значимых научных мероприятий, проводимых на базе филиала АПУ следует выделить ежегодное заседание секции уголовно-исполнительного права в рамках проводящейся на базе Юридического института ТГУ Всероссийской научной конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности». В ее работе, как правило, принимают участие профессорско-преподавательский состав юридических вузов Сибири, Дальнего Востока, сотрудники практических органов.

РОЛЬ И МЕСТО КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ НАУК

Л.М. Прозументов

Непременным признаком любого общества является сложившийся в нем нормативный порядок. Нарушения такого порядка выступают в различных формах индивидуального и группового поведения, которое отклоняется от принятых в обществе социальных норм. Формы отклоняющегося поведения различны по своему характеру, степени и уровню отклонения, вреда, приносимого общественным отношениям актами антисоциального поведения, также различна и реакция общества по отношению к конкретным лицам, не соблюдающим установленных предписаний.

Правовые нормы, являясь зеркальным отражением общества, составляют важнейшую часть социальных норм. И именно нарушения правовых предписаний образуют такую совокупность правовых отклонений, как правонарушения. Нарушение норм права как выражений государственной и общественной воли предполагает наступление правовой ответственности, а уже характер и интенсивность правонарушений предопределяют меру правового воздействия на лиц, нарушивших правовые предписания, т.е. меру правовой ответственности. Наиболее суровой мерой является уголовная ответственность.

В связи с этим можно утверждать, что сфера уголовно-правового регулирования распространяется прежде всего на действия, в максимальной степени и в негативном направлении выходящие за пределы объективной социальной нормы. Уголовное право предназначено служить в качестве инструмента для решения стоящих перед обществом вполне конкретных задач. Задачами, стоящими перед уголовным законом, в соответствии со ст. 2 УК РФ являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечении мира и безопасности человечества. В этой же статье УК РФ формулируется и еще одна задача уголовного права – предупреждение преступлений.

На наш взгляд, не следует переоценивать роль уголовного права в решении данной задачи. Наличие уголовно-правового запрета еще не означает полного отсутствия уголовных посягательств, установление уголовно-правовой ответственности не предполагает исчезновение общественно опасных деяний, не являвшихся ранее преступными, и, следовательно, уголовно наказуемыми. Как отмечает Г.Н. Борзенков [1], свою охранительную функцию уголовное право осуществляет специфическими средствами: путем формулирования уголовно-правовых запретов в виде конкретных составов преступлений и установления санкций за их совершение. Очевидно, что ничего другого от уголовного кодекса нельзя требовать. Уголовный кодекс не действует сам по себе. Его приводят в действие специально созданные в государстве механизмы. Уголовное право является главным, но не единственным средством выражения уголовно-правовой политики. На эффективность ее проведения влияют как деятельность органов уголовной юстиции, обеспечивающих реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершение преступления, так и деятельность иных органов, в разной мере способствующих укреплению правопорядка в обществе. Бесспорно, что на эффективность осуществления уголовной политики оказывает влияние правосознание отдельных граждан.

Уголовный закон устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступными и, следовательно, наказуемыми. Однако отметим, что уголовное законодательство не является и не должно являться статичным образованием. Реальное сохранение правопорядка и защита общественных отношений могут эффективно осуществляться только при реализации принципа динамизма в уголовном праве. Уголовный закон должен быть изменчив, динамичен, чтобы являться адекватным отражением состояния общества и главных его ценностей. Именно в этом наиболее полно проявляется социальная роль уголовного права, что с необходимостью обусловливает признание тех или иных деяний общественно опасными и уголовно-наказуемыми. Таким образом, государство в виде уголовно-правового запрета дает свою отрицательную оценку отдельным формам поведения.

Уголовный закон определяет, что является преступным и непреступным. Законодатель признает отдельные деяния опасными для общества и криминализирует их, т.е. объявляет их преступными, и наоборот, признав, что какое-либо преступление не обладает признаком обществен-

---

[1] См.: *Борзенков Г.М.* // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. М., 1997. С. 219.

ной опасности, декриминализирует (легализует) его. Причем следует отметить, что специфика уголовного закона заключается в том, что он дихотомичен по своей сути. Являясь крайней и наиболее жесткой мерой государственного принуждения, уголовный закон четко отграничивает преступное от непреступного.

Нельзя забывать, что преступность – это не только социальное, но и уголовно-правовое явление, поскольку «nullum crimen sine lege» – нет преступления без указания о том в законе. Признавая определенную категорию непреступных деяний преступлениями, государство тем самым формирует объем преступного, определяет новые показатели и черты преступности. Тем самым оно создает необходимость борьбы с новыми явлениями в преступности уголовно-правовыми средствами. В этой связи появляется необходимость исследовать основные характеристики (состояние, уровень, структура, динамика, вред) данной категории деяний с целью выяснения, во-первых, их влияния на преступность в целом или на ее отдельные виды в частности, во-вторых, с целью разработки эффективных мер, направленных на предупреждение данных преступлений. Реализуя такую функцию, как определение тех или иных деяний, уголовное право формирует объем преступности. Нет уголовно-правового запрета – нет и преступления, нет преступления – нет и преступности. В последнем случае мы можем говорить об исчезновении совокупности преступлений, но не об исчезновении общественно опасных деяний. Так как общественная опасность деяния – это его имманентное свойство, законодатель лишь дает оценку деянию, признавая или не признавая его преступным.

В то же время установление уголовно-правового запрета не может рассматриваться как абсолютное благо, поскольку при криминализации деяний всегда приходится жертвовать одними общественными интересами ради других. В этой связи можно говорить о том, что уголовный закон – это всегда конфликт, где с одной стороны выступает его необходимость, а с другой – те негативные последствия, издержки, которые в нем заложены и без которых невозможно уголовно-правовое регулирование в принципе.

Так, например, при установлении уголовно-правового запрета приводится в движение система органов уголовной юстиции по привлечению лиц, нарушивших эти запреты к уголовной ответственности, повышаются экономические издержки общества, поскольку требуется увеличение кадровых ресурсов, без которого происходит снижение общей эффективности раскрытия и расследования уже всей массы (а не только вновь признанных) преступлений и т.п.

Введение новой уголовно-правовой нормы в виде запрета влечет за собой следующие последствия:

1. Изменяются массив преступности и показатели ее состояния за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

2. Изменяется общая структура преступности за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

3. Изменяется совокупный вред от преступности за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

4. Появляется необходимость в количественном и качественном изменениях кадрового состава органов уголовной юстиции (появляются различные структуры в правоохранительных органах, привлекаются новые специалисты определенного профиля).

5. Появляется необходимость научных исследований в области толкования и применения новых норм уголовного права.

Не менее важно то, что уголовный закон оказывает огромное влияние на формирование общественного правосознания. Именно он определяет в сознании людей стереотипные образы преступного и непреступного, личности преступника и личности законопослушного гражданина. Не стоит забывать также, что уголовная ответственность – крайняя мера государственного принуждения, которая влечет за собой нередко тяжелые последствия. Так, даже самая малая ответственность по УК РФ является более строгой (значительной), более карательной, нежели самая строгая ответственность, предусмотренная за совершение правонарушения. П.Е. Кондратов совершенно справедливо обращает внимание на то, что существенно значимым последствием может оказаться и то, что с введением некоторых правовых норм в обществе становится возможным обострение социальной напряженности в части тех или иных отношений[1]. Такая угроза становится наиболее реальной, когда выраженные в нормах предписания недостаточно формально определены и касаются деяний, получивших значительное распространение и широкий общественный резонанс.

Сказанное выше свидетельствует об огромной значимости изучения социальной обусловленности уголовного закона, оснований и пределов уголовно-правового запрета. В настоящее время необходимо определить, какие деяния и каким образом должны быть криминализированы (декриминализированы), каковы пределы государственного вмешательства в этот процесс, каким образом социальная потребность в запрете

---

[1] *Кондратов П.Е.* О пределах уголовно-правового регулирования общественных отношений // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт: Сб. науч. статей / Под ред. А.В. Усса. Красноярск, 1989. С. 30.

перетекает в уголовно-правовую норму, какова эффективность действия уголовного закона и каковы причины его бездействия или низкой эффективности.

Хочется верить, что практика произвольного, научно не обоснованного установления (отмены) уголовной ответственности ушла в прошлое. В настоящее время совершенно очевидно, что уголовный закон должен исполняться не только государственной волей – только волей одного законодателя, но и социальным содержанием, т.е. он должен быть общественно необходимым и социально обусловленным. Именно поэтому определение границы преступного и непреступного является важнейшей проблемой криминализации и декриминализации деяний.

Вопрос криминализации и декриминализации деяний разрабатывается в юридической науке относительно недавно, хотя истоки его изучения можно увидеть с самого начала зарождения и развития уголовного права, поскольку здесь затрагиваются проблемы ее общей теории. Известно, что уже в трудах И. Бентама и Ч. Беккария обращается внимание на социальную сущность уголовного закона. В отечественной науке в разное время данной проблемой успешно занимались такие исследователи, как П.С. Дагель, Г.А. Злобин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.И. Коробеев, В.Д. Филимонов, А.В. Усс, А.М. Яковлев и др. В той или иной мере проблема криминализации и декриминализации, а также пенализации и депенализации находит свое отражение в большинстве работ в области уголовного права, так как их целью является разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства. Криминологи, изучая вопросы уголовной политики, социальной адекватности действующего закона, динамики и тенденций преступности, также сталкиваются с указанными проблемами.

Возникает вопрос, какая отрасль науки изучает (должна изучать) данную проблему.

Так, Н.Ф. Кузнецова[1] в предмет науки уголовного права включает разработку социологии уголовного права, т.е. изучение реальной жизни уголовного закона посредством измерения уровня, структуры и динамики преступности, изучение эффективности закона, механизма уголовно-правового регулирования, обоснованности и обусловленности уголовного закона, криминализации (декриминализации) деяний.

---

[1] См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. С.5.

А.В. Наумов криминализацию и декриминализацию включает в предмет уголовного права[1].

Ю.Д. Блувштейн выделяет социологию уголовного права, которая может быть охарактеризована как учение о закономерностях формирования системы уголовно-правовых норм и путях оптимизации этой системы, т.е. приведения ее в максимальное соответствие с реальными интересами и потребностями общества. Криминология же выступает по отношению к социологии уголовного права как источник получения знаний о причинах и условиях совершения правонарушений, об общественной необходимости в уголовно-правовом запрете или его отмене, об эффективности действия уголовно-правовых норм (причинах их неэффективности)[2].

На наш взгляд, криминализация и декриминализация деяний является междисциплинарной проблемой, т.е. составляет предмет не только криминологии, но и науки уголовного права. Криминология должна сосредоточить свое внимание главным образом на обусловленности уголовно-правового запрета, т.е. на исследовании вопросов, связанных с зависимостью уголовного закона от явлений и процессов, составляющих предмет криминологии, а наука уголовного права – на законодательной технике криминализации и декриминализации деяний. Иными словами, криминализация и декриминализация как процесс преобразования общественных интересов в уголовно-правовую норму входят в предмет криминологии, а результат этого процесса (вновь принятый уголовно-правовой запрет) – в предмет науки уголовного права.

Бесспорно также, что в той или иной мере отдельные аспекты криминализации и декриминализации деяний (в части их социальной обусловленности) изучают в социологической и социально-психологической науках.

---

[1] *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 2000. С. 133–138.

[2] См.: Проблемы социологии уголовного права: Сб. науч. трудов. М., 1982. С. 21.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

М.Т. Валеев

В научной литературе, как правило, не выделяют пенализацию общественно опасных деяний в качестве самостоятельного направления. Свое обоснование такое мнение находит, как правило, в положении о том, что криминализация общественно опасных деяний поглощает в себя, включает и пенализацию. Так, Р.Р. Галиакбаров пенализацию называет одной из форм криминализации[1]. В то же время следует отметить, что ряд авторов признают автономность пенализации, хотя, как правило, и относительную[2]. Одним из первых среди современных теоретиков уголовного права этого вопроса коснулся А.И. Коробеев, который следующим образом определил ее содержание: «Под пенализацией мы понимаем процесс определения характера наказуемости деяний, а также их фактическую наказуемость, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике. Иными словами, пенализация есть количественная сторона криминализации, ее показатель, мерило»[3]. Помимо прочего, на наш взгляд, автор в своем определении напрасно снижает самостоятельную роль пенализации, рассматривая ее лишь как количественную сторону криминализации. Не отрицая подчиненного, вторичного характера пенализации по отношению к криминализации, считаем все же возможным отметить ряд черт, индивидуализирующих рассматриваемое правовое явление.

Несомненно, заслуживает внимания с точки зрения причины возникновения позиция упомянутых авторов, указывающих на нерацио-

---

[1] *Галиакбаров Р.Р.* Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сб. науч. трудов. Омск, 1980. С. 41.

[2] См., напр.: *Кудрявцев В.Н.* Основания уголовно-правового запрета. М.: Наука, 1982. С. 19; Сыч К.А. Уголовное наказание как система. Рязань: Ин-т права и экономики МВД РФ, 1995 С. 46.

[3] *Коробеев А.И.* Уголовная политика: криминализация и пенализация деяний // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Владивосток, 1983. С. 169.

нальность отдельного рассмотрения криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Причина сложившейся ситуации во взгляде на проблему самостоятельности пенализации, на наш взгляд, лежит во внешней однородности, схожести природы рассматриваемых явлений. Оба явления суть специфичные законотворческие процессы по ограничению «правосвободного пространства»[1]. Однако уже при рассмотрении способа воздействия на свой объект данные процессы обнаруживают отличия. Криминализация общественно опасных деяний представляет *пассивное* регулирование общественных отношений путем провозглашения запретов некоторых моделей поведения, или, другими словами, юридических фактов, лишь наступление которых вызывает к жизни уголовные правоотношения. Пенализация же есть установление потенциала воздействия на преступника, легитимирует непосредственные ограничения его прав и свобод, то есть являет собой активное регулирование правоотношений (например, собственности – при штрафе, трудовых – при исправительных работах и т.д.).

Устанавливая различия рассматриваемых явлений, следует коснуться их оснований *как начального этапа любой деятельности.* «Основание – существенный признак, по которому разделяются явления, понятия»[2]. Сущностным основанием криминализации деяний является их общественная опасность. Законодателю, к сожалению, не удалось разрешить проблему определения общественной опасности как признака деяний, требующих уголовно-правового реагирования. Между тем без этого нельзя обоснованно решить целый ряд методологических вопросов теории уголовного права, к числу которых относится и проблема предмета уголовно-правового регулирования. Основанием же пенализации деяний является криминализированное общественное отношение, но не опасность деяния. Объявляя поведение преступным, законодатель может ошибаться в достаточности размера (вообще в наличии) общественной опасности, но наказуемым будет и то, что хотя на самом деле и не представляет угрозы обществу, но формально преступно.

Среди принципиальных отличий криминализации и пенализации общественно опасных деяний, на наш взгляд, следует также назвать пределы своего потенциального распространения. При криминализации деяний такие пределы фактически отсутствуют. В случае наличия общественной опасности, превышающей пределы малозначительности, криминализация легальной сферой своего действия может иметь прак-

---

[1] См.: *Лазарев В.В.* Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1973. №11. С. 39–41.

[2] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 422.

тически любое деяние, борьба с которым возможна уголовно-правовыми средствами. Фактическое распространение криминализации осуществляется в пределах, очерчиваемых интересами уголовно-правовой политики государства. Таким образом, можно констатировать наличие лишь искусственных границ криминализации. Подтверждением тому служит история уголовной криминализации, знающая самые разнообразные случаи «поражения» тех или иных сторон социальной активности граждан рамками диспозиции уголовно-правовой нормы.

В то время как пенализация имеет естественные границы, уголовно-правовые средства как продукт пенализации могут распространяться на легальном уровне только на лицо, чье деяние признано приговором суда преступлением. Соответственно человек с его возрастными, физическими, психическими, материальными, профессиональными и другими характеристиками служит естественной границей формирования наказания. Следует оговориться, что обозначенная граница пенализации существовала не всегда. Ее «демаркация» в том виде, в каком она существует ныне, есть составная современного понимания объекта пенализации.

«На этапе криминализации и пенализации законодатель, формирующий уголовно-правовое предписание, провозглашает, что определенные социальные блага взяты под особую охрану государством и посягательства на них повлекут за собой карательные последствия»[1]. Грань, разделяющая преступное и непреступное (наказуемое и ненаказуемое), несмотря на то, что строго зафиксирована в законе, на законотворческом уровне часто относительна и на протяжении даже коротких исторических периодов может претерпевать существенные изменения под влиянием факторов криминализации[2], тогда как грань, разделяющая наказующее воздействие от ненаказующего гораздо менее мобильна. Наказующее воздействие или нет, зависит от наличия восприятия последствия как карательного. Так, лишение денег посредством штрафа всегда (объективно) воспринимается как лишение и является устойчивым элементом системы наказаний с первых уголовно-правовых памятников, а общественное порицание, рассчитанное на высокий уровень общественного правосознания, но не получившее предполагавшейся оценки, покинуло уголовный закон, ибо фактически воспринималось населением как освобождение от ответственности.

Вышесказанное предопределяет отличие и во влиянии исторической традиции. При пенализации деяний ее роль куда более значима, нежели

---

[1] *Усс А.В.* Социально-интегративная роль уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 1994. С. 119.

[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Основания уголовно-правового запрета. М., 1981.

при криминализации. Устойчивый характер законотворческой традиции при формировании наказания объясняется объективным свойством лишения или ограничения сношения с благами. Традиции криминализации более динамичны во времени: изменяются под влиянием идеологии, политического строя, распространенности деяния и т.д. Тогда как еще один из разработчиков французского Уголовного кодекса 1791 г. Лепелетье отмечал: «Число наказаний ограничено даже для самого изобретательного тирана»[1]. Смена преобладающего в законодательстве и применении наказания зависит от восприимчивости современного ему преступника, уровня представлений о допустимости и переносимости физического и негативного морального воздействия на личность, компонентах этой личности и т.д. Таким образом, указанные критерии пенализации более устойчивы во времени, нежели аналоги криминализации.

Важным является и положение о том, что «...действительными людьми в их действительном общении созданы эмпирические отношения, и уже потом, задним числом, эти отношения конструируют, изображают, представляют себе, укрепляют и оправдывают»[2], помещая их в правовую форму. Это положение, на наш взгляд, является одной из ключевых теоретических посылок для анализа криминализации. При криминализации деяний отношения предшествуют правовой норме, то есть носят, в подавляющем большинстве своем, эмпирический характер. Безусловно, не исключен и гипотетический характер криминализируемых отношений, но в таком случае обладающих относительно высокой степенью осуществимости (например, ст. 278 УК РФ). В диспозиции нормы уголовного права особым образом отражается социальная реальность. Последнее – основа и материальный источник криминализации[3].

Таким образом, криминализация – процесс преобразования «обычной» реальности в правовую посредством использования юридической формы. Регулируя поведение людей, диспозиция уголовно-правовой нормы в известной мере его модифицирует. При этом она не отражает всю действительность или какую-то ее часть с абсолютной точностью; реальность всегда богаче своего отражения в праве. Криминализируя деяние, законодатель каждый раз *выбирает* из реальной действительно-

---

[1] Французский уголовный кодекс 1810 года / Под ред. М.М.Исаева. М.: Юрид. изд. МЮ СССР, 1947. С. 11.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.8. С. 222.

[3] *К. Маркс* отмечал: «...нравственный законодатель прежде всего будет считать для себя самым серьезным, самым болезненным и опасным делом, когда к области преступлений относят *такое действие, которое до сих пор не считалось преступным»* (курсив мой. – *В. М.*) *(Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.1. С. 132). Таким образом, *действие* уже *было, есть.*

сти, реального поведения необходимо достаточное количество его признаков, позволяющих его идентифицировать как преступное. Тогда как санкция – искусственно конструируемый инструмент воздействия на такую реальность. Основным способом такого конструирования является моделирование. В основе моделирования как особой исследовательской процедуры лежит так называемая теория подобия. Основная ее идея заключается в предположении, что между различными объектами могут устанавливаться взаимно-однозначные соответствия, так что, зная характеристики одного из них, можно судить о другом. Объект, по наблюдению за которым можно получать представления о другом объекте, называется моделью, а процесс исследования, базирующийся на этом соответствии, называется моделированием[1]. На наш взгляд, объектом моделирования уголовного наказания служит в первую очередь существующая система наказаний, наказания за «подобные» преступления (соотносимые по общественной опасности) в действующем и отмененных УК, складывающаяся практика применения и исполнения наказаний. Таким образом, пенализация есть своего рода рефлексия на действительность, в ней отражается социальная готовность оказать ту или иную степень репрессивности в воздействии обществом на своего члена.

При установлении отличий рассматриваемых явлений следует также обратить внимание и на объекты данных процессов и их результаты. Объекты воздействия, направленности деятельности по криминализации и пенализации не совпадают. Криминализация общественно опасных деяний и их пенализация являются, на наш взгляд, взаимосвязанными, но все же самостоятельными направлениями уголовно-правовой политики. Если первое представляет собой обнаружение тех негативных явлений, с которыми необходимо бороться уголовно-правовыми средствами, осознание потребностей общества в уголовно-правовом регулировании, ограничение круга преступного[2], а потому, соответственно, имеет своим объектом *общественные отношения*, обладающие повышенной опасностью, то второе есть формирование наказания как основного уголовно-правового средства борьбы с ним, и объектом здесь выступает личность преступника в виде комплекса его прав и свобод.

Говоря об объектах рассматриваемых видов деятельности законодателя, следует также отметить разницу их конечности, исчерпываемости.

---

[1] Основы теории подобия и моделирования: Сб. рекомендуемых терминов. М.: Наука, 1973. Вып. 88. С. 8.

[2] См.: *Коробеев А.И.* Советская уголовная политика: понятие, структура, содержание // Проблемы советской уголовной политики: Межвуз. тематический сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. С. 196.

Объектом установления уголовно-наказуемого поведения может являться неограниченный круг общественных отношений, вновь пополняющийся при их прогрессе, что можно заметить по его расширению, например за счет увеличения экономической активности в государстве. Составляющая объекта пенализации исчерпывающая. Даже при увеличении способов наказательного воздействия на преступника ограничен тот круг личностных благ, на которые оно может быть обращено.

Несмотря на существующие различия, «...криминализация и пенализация, преступность и наказуемость – взаимно влияющие друг на друга явления. Связь между ними диалектична. Преступность предопределяет наказуемость, а наказуемость показывает, что соответствующее деяние криминализировано»[1]. Относя определенные деяния к числу преступных, государство подчеркивает особую значимость взятых им под охрану норм, с предельной четкостью обозначает «последние рубежи» в возможном отступлении от заданных направлений поведения. Делая ответственность за нарушение своих запретов дифференцированной, показывает меру этой значимости и придает системе социальных ценностей качество структурированности.

[1] *Панченко П.Н.* Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно-опасных деяний // Актуальные вопросы криминализации и декриминализации: Сб. науч. трудов. Омск, 1980. С. 12.

СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЙ «ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ» И «ИСПРАВЛЕНИЕ» ЛИЧНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

О.М. Писарев

В настоящее время в российском обществе существуют, по крайней мере, три подхода к проблеме отправной точки рассуждений о декриминализации: подход экономический, подход юридический и подход культурно-нравственный. Понятие декриминализации как определенной системы, самостоятельного объекта специального научного исследования в психологии не выделялось. Отсюда возникает важная научная и практическая проблема изучения декриминализации. По сравнению с юридическим, экономическим и культурно-нравственным подходами к проблеме декриминализации, в которых основное внимание сосредоточено на категориях, обладающих довольно большой, "общефедеральной" емкостью, социально-психологический и собственно психологический подход имеют гораздо более узкую в рамках государства и общества направленность. В то же время он направлен непосредственно на человека и призван способствовать корректировке и изменению социально-психологических черт личности, ее психических процессов, свойств, состояний. Решение проблемы декриминализации в психологическом аспекте подчинено прежде всего задачам формирования позитивно направленного поведения: межличностного взаимодействия и поступков. Таким образом, мы можем говорить о сведении более широкого понятия "декриминализация" к более узкому, а значит, и более персонифицированному – "декриминализация личности".

Понятие декриминализации безусловно имеет актуальное значение в связи с негативными процессами, характерными для нашего общества на современном этапе, в том числе и для пенитенциарных учреждений. Представляя собой индивидуальную форму бытия общественных отношений, криминализированная личность аккумулирует в себе их негативные стороны, но это не означает, что данная личность испытывает лишь отрицательные влияния. Поэтому, учитывая складывающееся положение вещей на сегодняшний день, необходим поиск конкретных

рекомендаций и психокоррекционных программ, направленных непосредственно на декриминализацию личности.

Социально-психологическая декриминализация личности является связующим компонентом многоуровневой системы декриминализации общества в целом. Вот почему, учитывая сложную криминогенную обстановку в стране, необходимо обратить на это понятие особое внимание.

Социально-психологическая декриминализация личности – это процесс и результат сознательного восстановления и активного воспроизводства индивидом ранее утерянного вследствие криминальных установок социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности среди полноправных членов общества и проходящий в условиях исправления – коренного изменения системы ценностных ориентаций личности.

Соответственно, декриминализацией следует считать такой образ жизни, при котором индивид больше не совершает преступных деяний, правонарушений, квалифицируемых как таковые существующими в государстве правовыми нормами. Можно предположить, что декриминализация – одна из основных содержательных характеристик, определяющая необходимый минимум требований к жизнедеятельности индивида. Их содержание прежде всего направлено на недопущение отрицательных, вредных для общества деяний его членов.

Декриминализация определяется следующими условиями:

- содержанием материальных и социальных условий жизнедеятельности индивида в обществе как воздействующих на сознание индивида факторов, которое организует его поведение в соответствии с существующими правовыми нормами;
- целостным состоянием личности индивида, которое определяется базисными личностными качествами, выступающими детерминантами мотивообразования и активности.

В результате возможно обоснование психологической структуры готовности личности к антикриминальному образу жизни, ее содержательных характеристик, позволяющее проводить конкретные индивидуально-психологические исследования, подчиненные цели выработки рекомендаций для построения формирующего процесса и создания условий формирования и поддержания необходимого состояния у позитивно направленной личности.

Человеческие действия всегда имеют в своей основе систему предпосылок, которые делают действия субъекта последовательными и предсказуемыми. Такая система предпосылок, однако, не задана, а выбирается самим субъектом и может быть изменена. В этом случае дек-

риминализация выступает как акт изменения своего поведения, представляющий уникальное свойство человеческого сознания и обладающий особыми механизмами функционирования.

С другой стороны, декриминализация предполагает заинтересованность человека в утверждении позитивно значимых целей как для себя, так и для окружающих. Тем самым повышается уровень взаимопонимания с другими людьми. В итоге декриминализация личности представляет собой универсальный нравственный принцип, принимаемый большинством, и свидетельствует о расположенности человека к эффективному применению и использованию рациональных, продуктивных стратегий в своем поведении, деятельности, направленных на конструктивное и взаимополезное сотрудничество.

Одним их компонентов, позволяющих более полно раскрыть понятие "декриминализация", является исправление личности.

Понятие "исправление" стоит ближе к понятиям "развитие" и "самовоспитание". Исправляться субъект может как под влиянием внешних воспитательных воздействий, так и исходя из собственных внутренних побуждений. В известной мере исправить осужденного – значит изменить его направленность, сформировать систему общественно полезных мотивов его поведения, выработать у него позитивно ценные цели и перспективы в жизни, а также установку на исправление. А.Д. Глоточкин и В.Ф. Пирожков (1974) понимали под исправлением такие изменения в личности, которые связаны с разрушением отрицательных (асоциальных) и формированием положительных качеств человека. При исправлении происходит не коренное изменение в сознании осужденного, а лишь частичная его корректировка, не затрагивающая свойств личности[1].

Хотя в конкретном случае понятия "исправление" и "декриминализация" употребляются нами вместе, последнее отличается большей глубиной и большим объемом преобразований, которые происходят в личности. Можно предположить, что исправление и декриминализация – это два содержательно различающихся процесса, но имеющих определенную мотивацию и взаимовлияющих друг на друга. Результатом первого выступает преодоление самой личностью дефектов в сознании и поведении, приведших к преступлению. Результат второго – поднявшиеся на более высокий уровень личностные качества, составляющие характер и отвечающие принятым нормам, а также востребование скрытых позитивных личностных возможностей.

---

[1] *Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф.* Исправительно-трудовая психология. М., 1974. 426 с.

Понятия "исправление" и "декриминализация" не совпадают и во времени. Декриминализация – процесс более длительный и сложный, определяющийся двумя базовыми характеристиками: временем пребывания в пенитенциарном учреждении и временем пребывания в социуме после освобождения.

Стратегическая задача любого пенитенциарного учреждения – оторвать личность от условий криминализации. Поэтому для пенитенциарной психологии важно не только более подробно рассмотреть само понятие "декриминализация", но и определить, что является детерминантами этого сложного процесса.

Изучение практики исправительных учреждннений убеждает в необходимости проведения специальной работы по изучению психологических механизмов декриминализации личности осужденного. Для этого необходим комплексный подход к изучению личности осужденного: с одной стороны, индивидуально-психологическое изучение осужденного с присущими именно ему психологическими характеристиками, параметрами; с другой – изучение личности как открытой системы в социально-психологическом аспекте, во всех ее связях и отношениях с окружающими людьми.

МИЛИЦИЯ И ПРАВОПОРЯДОК: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.А. Капитонов

В обеспечении правопорядка милиция участвует в силу самого своего существования в обществе. При этом в обеспечении правопорядка ей отведена самая трудная его область, характеристиками которой являются административные проступки и уголовные преступления.

То, что эти характеристики негативны, а следовательно, нежелательны для общества, очевидно. Куда более интересно то, следствием чего они являются.

На самой поверхности лежит ответ на этот вопрос, заключающийся в том, что административные проступки и уголовные преступления являются следствием поведения людей. Причем поведения, зачастую характеризующегося упорством, изощренностью и агрессивностью. Вероятно, это представление послужило основой для отведения обществом для милиции роли охранника. К этому подталкивает самая, казалось бы, очевидная логическая цепочка.

Коль скоро в обществе имеются люди, готовые активно не соглашаться ни с какими, пусть даже самыми разумными, ограничениями и попирать любые не являющиеся их личными интересы в самой грубой и общественно опасной форме, должна быть сила, которая может им противостоять. Причем противостоять с позиции силы и от имени государства. Говоря просто, как некая уполномоченная государством сила милиция должна остановить всякого ведущего себя преступно или противоправно. При этом она должна заведомо превосходить силой всякого правонарушителя, а тем более преступника.

Чтобы избежать ненужного негатива, заключенного в самом факте необходимости противопоставления гражданина и милиционера, официальными структурами общества пропагандируется гуманность и разумность силы, реализуемой милицией во имя поддержания правопорядка. Иными словами, граждан общества изначально приучают к тому, что даже если милиция и творит зло, то делается это вынужденно и во благо общества. Самое интересное заключено в том, что этому нет ра-

зумных возражений, поскольку, «поражая» милицию в возможности причинять боль отдельным гражданам во имя обеспечения здоровья всего общества и творить частное зло во имя общего добра, общество может лишь провоцировать произвол одних граждан, совершающийся в отношении других.

Это обстоятельство создает большой кредит доверия граждан нашего государства к милиции, без которого никакая реализация ее силы, в сущности, невозможна. Но у такого кредита доверия неизбежно есть и другая сторона. Она заключена в том, что расцениваемый официальными властными структурами как некий запас прочности кредит такого доверия общества к милиции как бы исподволь искушает власть предержащих расходовать его там, где пределы полномочий милиции заканчиваются. Примером тому вполне может послужить предпринятая в не столь отдаленном прошлом попытка политической власти с помощью возможностей милиции выяснять причину пребывания граждан в рабочее время в кинотеатрах, магазинах, на выставках и т.п. И это вполне можно счесть одной из причин того, что милиция начинает представляться гражданам инструментом подавления.

Идея охраны правопорядка силами милиции стала, как представляется, одной из причин еще одного парадокса. Он заключен в том, что призванная охранять правопорядок, милиция постоянно куда-то не успевает. Но мало того, что она появляется на месте преступления уже после того, как злодеи скрылись, она зачастую не в состоянии их настичь, дабы обеспечить неотвратимость наказания злоумышленников за содеянное.

В результате милиция сама себе начинает казаться праздно шатающимся бездельником, процветающим за счет налогоплательщиков. И это обстоятельство не может не провоцировать попытки милиции в количестве собственных действий растворить те отдельные, но досадные эпизоды, которые свидетельствуют о проявлении милицейской беспомощности. Так происходит, например, в случаях, когда после очередного вызвавшего громкий политический резонанс преступления «в ружье» поднимаются даже те службы, обычная работа которых не связана с патрулированием и другими мероприятиями, протекающими на глазах граждан. Действуя в таких случаях «на показ», милиция проявляет порой и демонстративное предупредительно-профилактическое рвение. И тут уж она сама, по собственной воле предстает гражданам нашего государства не как инструмент выполнения заказа на оптимизацию правопорядка, а как инструмент принуждения и подавления. Нельзя сказать, что такое поведение милиции было характерно лишь для времени существования социалистического государства. Оно имеет место и ныне,

существовало это явление и в прошлом, предшествующем социалистическому государству. Правда, тогда существовал несколько иной способ обеспечения приемлемых для общества характеристик правопорядка. В частности, силами органов внутренних дел контролировался порядок ношения одежды определенными представителями общества, порядок расположения домов на улицах, уровень цен на рынках и т.д. Представляется, что основной причиной подобного рвения милиции, равно как и любых ее аналогов в государстве, предстает стремление не подавлять, а максимально угодить обществу истовым ему служением. Но впечатление от такого стремления производится прямо противоположное ожидаемому.

Таким образом, не имея фактической возможности приказать гражданам вести себя так, как предписывается нормами уголовного и административного права, милиция начинает приказывать сама себе обеспечить определенные характеристики правопорядка. Естественно, что выполнение такого приказа зачастую сводится к обеспечению «показателей» правопорядка, которые устраивали бы общество. Нередко это сопровождается необоснованными отказами в принятии заявлений о совершении преступлений, склонении предполагаемых виновников к признанию их вины в преступлениях, которые ими не совершались, и т.п. Естественно, что такие явления вполне могут послужить причиной формирования в обществе представлений о милиции как о силовой структуре, призванной подавлять. Может быть, и поэтому тоже появилось определение «полицейское государство». Представляется, что более правильным было бы именовать государство, в котором полиция, равно как и ее аналоги, проявляет не соответствующую ее предназначению в обществе «подавительную» и «принуждательную» активность, не полицейским, а государством, применяющим свою полицию не по прямому назначению.

С тем чтобы этого не происходило впредь, следует, вероятно, отказаться от идеи охраны милицией правопорядка и приблизиться к идее выполнения силами милиции заказа на оптимизацию состояния правопорядка. Образно говоря, признать, что милиция не солдат, охраняющий правопорядок, а официант, улучшающий его состояние. Идея солдата, охраняющего порядок, всегда будет провоцировать милицию на поиск противника. Идея официанта способна привлечь внимание общества к тому, что, обращаясь к милиции с «заказом», общество всякий раз вынуждено будет заглянуть в «меню» и обратить внимание на «прейскурант».

Подобное предложение отнюдь не стремление оригинальничать. Это попытка обратить внимание на то, что, во-первых, всякий заказ, адресо-

ванный милиции, имеет свою цену и определенные условия выполнимости. А во-вторых, из этого следует, что не любой заказ на улучшение характеристик правопорядка, адресованный милиции, обязательно находится в пределах присущих ей возможностей. Признание этого избавит милицию от первопричины проявления не свойственной ей активности, а общество – от необоснованных ожиданий, адресованных милиции, как и от неверных оценок ее роли.

Предлагая подобные акценты восприятия роли милиции в обществе, следует оговориться, что «официант» милиция весьма специфический. Во-первых, потому, что он выполняет заказ всего общества на улучшение характеристик правопорядка, от кого бы он не исходил, будь то рядовой гражданин или высокопоставленный государственный чиновник. Во-вторых, исполняя заказ на улучшение характеристик правопорядка, милиция может прибегать к применению оружия и специальных средств, при помощи которых нарушителям правопорядка может быть нанесен весьма существенный вред. На первый взгляд силовая атрибутика милиции несовместима с самим понятием оказания услуги. Однако применение оружия или специальных средств осуществляется милицией не для оказания услуги, а для преодоления препятствующих ее выполнению обстоятельств, а кроме того, сама услуга оказывается всему обществу и в интересах всего общества, следовательно, подозревать милицию в навязывании таковой силой оружия и специальных средств было бы некорректно.

СТРАХ ПЕРЕД УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЕМ – ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦИАЛЬНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

А.Ф. Мицкевич

В качестве одной из целей наказания ст. 43 УК РФ называет предупреждение новых преступлений. В науке уголовного права эта цель традиционно подразделялась на специальное и общее предупреждение. При этом достаточно широко распространена позиция, согласно которой специальное предупреждение преступлений выражается, во-первых, в лишении или ограничении осужденного путем применения к нему уголовного наказания возможности совершить новое преступление, а во-вторых, в удержании осужденного от совершения нового преступления под страхом применения нового уголовного наказания[1].

Можно утверждать, что признание страха перед наказанием в качестве одного из важнейших средств коррекции поведения осужденного средствами уголовного наказания во все времена являлось аксиомой классической школы уголовного права, и при этом настолько привычной аксиомой, что трудно найти научный труд, посвященный анализу воздействия уголовного наказания с использованием знаний науки психологии о страхе. Привлечение же знаний, накопленных различными науками, изучающими человека и общество, к анализу правовых явлений, к каким относится и уголовное наказание, способно обогатить представления о праве, помочь усовершенствовать правовые нормы и повысить эффективность правоприменительной деятельности. Что представляет собой страх перед уголовным наказанием, какими характерными чертами обладает такой страх, каких результатов можно ожидать от возникновения у осужденного страха перед наказанием – ответы на эти и другие вопросы могут помочь объяснить или откорректировать те или иные моменты в конструировании уголовных наказаний, в практике их назначения и исполнения.

Страх как определенное состояние психики определяется в психологии как особого рода эмоция или чувство[2]. У чувства страха есть много

[1] См., напр.: *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. С. 70–71.

[2] *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. С. 293.

градаций. Если человек лишь немного боится чего-либо, то мы называем это «опасением», «легкой боязнью», «слабо выраженной тревогой», «беспокойством» и пр. При усилении психологического дискомфорта тревога и беспокойство растут, переходя в страх. Страх сам по себе тоже имеет множество степеней, он может быть слабым, умеренным и очень сильным[1].

В настоящее время среди ученых, занимающихся проблемами страха, нет единого мнения о том, являются ли «страх» и «тревога» разными по своей сути понятиями или же речь идет об одной эмоции, но выраженной в различной степени. Многие считают, что страх, как правило, возникает в ответ на конкретную опасность, в то время как тревога появляется тогда, когда опасность имеет неопределенный, абстрактный характер, а мозг еще не может выбрать оптимального варианта поведения[2].

В основе тревоги и страха лежат внешние, прежде всего такие естественные факторы, как боль, одиночество, внезапное изменение стимуляции, которые являются основой страхов социального характера – боязни потерять любимого человека, работу, и еще более сильной боязни угрозы утраты любви и уважения, в том числе самоуважения[3]. Потенциальная возможность физического повреждения для большинства из нас не представляет особой угрозы, хотя бы в силу ее редкости. Гораздо чаще нас страшит то, что может уязвить нашу гордость и снизить самооценку. Мы боимся неудач и психологических потерь, которые могут произвести в душе каждого из нас настоящий переворот[4].

Таким образом, страх как эмоционально-чувственное состояние психики личности, во-первых, всегда имеет внешний, находящийся за пределами личности, источник, а во-вторых, для человека в обычных условиях его существования страхи социального характера более значимы, чем страх, имеющий основной причиной естественные факторы. Первое положение важно в том смысле, что уголовное наказание как ограничения и лишения, налагаемые на человека извне, как раз и может служить источником страха. Второе положение нельзя понимать абсолютно, оно действует только для обычного, нормального существования человека в условиях цивилизации. Страх, обусловленный причинами естественного характера – болью, одиночеством, внезапным изменением стимуляции (то есть неизвестностью), биологически встроен в нашу психику и поэтому имеет первичный характер, а значит, обладает самым сильным

---

[1] *Щербатых Ю.В.* Психология страха. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 66.

[2] Там же. С. 66–67.

[3] *Изард К.Э.* Указ. раб. С. 316.

[4] Там же. С. 294.

действием. Такой страх, будучи также особым эмоциональным состоянием личности, в то же время задействует все биологические ресурсы организма, подчиняя их только одной цели – избежать опасности[1].

В этом смысле под действием страха, вызванного естественными активаторами, человек как бы возвращается в свое первоначальное, животное состояние, а все социальное отступает на второй план. От него требуются исключительные духовные и волевые качества, чтобы противостоять воздействию такого страха.

Эту особенность страха часто используют тогда, когда ставится цель получить от человека результат любой ценой, заставить его сделать то, чего он по каким-либо причинам делать не желает. Разнообразные пытки, издевательства, угрозы физического уничтожения имеют своей целью вызвать именно страх первичного, биологического характера, и нужно признать, что для человека это непереносимое испытание, поскольку оно порождает в нем конфликт его биологической сущности и социального «я». Думается, что принятие Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, Европейских тюремных правил, Европейской конвенции о запрещении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Основных принципов обращения с заключенными и других международных документов, а также существование в уголовном законодательстве демократических государств специальных запретов на использование любых средств и методов, имеющих целью причинение физических страданий осужденным, обусловлены не только гуманными соображениями, но и учетом особенностей воздействия на человека страха, вызванного естественными активаторами.

Уголовное наказание по своему содержанию есть совокупность ограничений и лишений, которые причиняют, по меньшей мере, неудобства осужденному, а практически всегда вызывают его страдания как физического, так и социально-психологического характера. В этом своем сущностном значении уголовное наказание очень тесно соприкасается с естественными активаторами страха, и, видимо, нужно признать, что в настоящее время исполнение наказаний в виде лишения свободы по российскому уголовно-исполнительному законодательству в некоторых случаях задействует отмеченные механизмы формирования страха (например, помещение в штрафные изоляторы и др.).

Конечно, в УК РФ и УИК РФ имеются нормы, запрещающие использование уголовного наказания в целях причинения физических страданий

---

[1] *Изард К.Э.* Указ. раб. С. 296, 315–316.

или унижения человеческого достоинства (ч. 1 ст. 7 УК РФ), а также нормы, содержащие требования строгого соблюдения гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (ч. 3 ст. 3; ч. 2 ст. 12 УИК РФ). Но отрицание цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства, содержащееся в ст. 7 УК РФ, не есть отрицание таких свойств у самого наказания. Этой нормой законодатель ставит как бы некоторые границы в причинении страданий осужденному, но не отрицает возможности причинения страданий для других целей. Необходимость реализации позитивных целей – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения преступлений – также устанавливает пределы репрессивности уголовного наказания, но не исключает в содержании уголовного наказания физических страданий (ограничений) и умаления чести и достоинства осужденного.

Что же касается ст. 3 и 12 УИК РФ, то они прямо запрещают использование наиболее сильнодействующих активаторов биологического страха в виде пыток и насилия, ибо с точки зрения природы страха эти активаторы страха фактически переводят человека в животное состояние и никакого результата, кроме тотального подавления личности, принести не могут. Норма о запрете «другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными» опирается на оценочные суждения о жестокости или унижении человеческого достоинства. Следовательно, в ней не идет речь о полном и принципиальном запрете на причинение страданий осужденному или унижении его человеческого достоинства, а могут иметься в виду только наиболее одиозные, выходящие за рамки определенных нравственных представлений о допустимом причинении страданий осужденному. Реально же под жестоким или унижающим человеческое достоинство обращением с осужденными, с точки зрения правоприменителя, необходимо понимать любые ограничения в положении осужденных, не предусмотренные уголовным или уголовно-исправительным законодательством. Для законодателя же это вопрос его собственной нравственности и нравственных представлений, господствующих в обществе.

Таким образом, можно заключить, что использование страха, вызванного естественными причинами (такими активаторами, как боль, одиночество или внезапное изменение стимуляции), в крайних формах прямо запрещено при применении уголовного наказания либо используется в сравнительно мягких и ограниченных формах. При этом можно утверждать, что с ростом материального благополучия общества, увеличением ценности жизни и развитием нравственности обращение к биологически обусловленному страху при исполнении уголовных наказаний сокращается.

Несколько иначе обстоит дело с социальными страхами. Как мы уже говорили, в обычной жизни человека они играют первостепенную роль. Видимо, поэтому осужденные в большинстве своем отмечают, что при отбывании наказания тяжелее всего ими переносятся лишения именно нравственно-психологического характера. Здесь уместно отметить одну весьма важную особенность формирования страха. В целом переживание страха ощущается и воспринимается людьми как угроза личной безопасности и сопровождается чувством неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию. При этом участливое сопереживание облегчает страдание и способствует ослаблению страха, и наоборот, изоляция, одиночество усиливают страх[1].

Это свойство социального страха используется при применении уголовного наказания, которое нарушает многие социальные связи между личностью и обществом, формируя у нее, таким образом, чувство страха. Осужденные же, стремясь освободиться от неприятного чувства страха, ищут психологической поддержки в своем окружении, у родных и близких, и это естественно. И нельзя отказывать им в такой возможности защиты от чувства страха, поскольку, во-первых, у страха есть мощные негативные последствия, а во-вторых, перед наказанием стоят и иные, качественно отличные цели, которые ставят естественные ограничения в использовании чувства страха для предупреждения преступлений.

Специалисты утверждают, что переживание чувства страха зависит от того, насколько определенно выглядит для личности активатор страха и насколько определенными и успешными представляются человеку возможности избежания опасности, порождающей чувство страха. При этом установлено, что чем неопределеннее угроза, порождающая страх, и чем менее ясны для человека возможные способы избежания опасности, тем более бурно протекает эмоциональная реакция страха. И наоборот, когда внешний источник страха достаточно определен и локализован, более того, внешняя среда, знания и опыт личности позволяют найти адекватные пути преодоления опасности и, следовательно, уменьшения страха, эмоциональная реакция страха выглядит менее ярко. В последнем случае активность личности переводится в русло конкретной деятельности, способствующей избежанию угрозы[2].

Эта особенность эмоционального протекания страха должна учитываться при применении уголовного наказания, особенно при его исполнении. У осужденного должны формироваться твердые представления, что его наказание связано только с его преступлением и что ничего по-

---

[1] *Изард К.Э.* Указ. раб. С. 324.

[2] *Щербатых Ю.В.* Психология страха. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 69–70.

добного не может повториться, если он не совершит нового преступления, более того, его страдания могут закончиться значительно ранее установленного срока при его определенном позитивном поведении. Иначе говоря, ему должны предлагаться ясные и реальные пути позитивного преодоления и избежания состояния страха.

Страх имеет неоднозначное влияние на человека. В психологии выделяются положительные и отрицательные значения страха для человека. Полезность страха специалистами видится в том, что, во-первых, он мобилизует силы человека для активной деятельности, а это зачастую бывает необходимо в критической ситуации. Нормальный, астенически выраженный страх способен мобилизовать сознание и волю человека, но на короткое время. В этом смысле страх может быть достаточно действенным контрмотивом совершению преступлений, однако же в ограниченных пределах. Как писал И. Шевелев: «Страх в малых дозах стимулирует, в больших – парализует»[1]. Во-вторых, страх способствует лучшему запоминанию опасных или неприятных событий. В-третьих, страх дает возможность действовать в условиях недостатка информации, когда ее не хватает для принятия всесторонне продуманного решения. В таких ситуациях стратегию поведения диктует страх[2].

Первое из названных положительных значений страха является, пожалуй, одним из основополагающих моментов в специальном и общепредупредительном действии уголовного наказания, равно как и в механизме исправления осужденного средствами уголовного наказания.

На индивидуальном уровне преступление обусловлено, как правило, множеством конкретных факторов объективного и субъективного характера, которые в своем для каждого случая индивидуальном сочетании «подтолкнули» лицо к соответствующему поведению. Умышленные и неосторожные преступления и даже так называемые «случайные» преступления не появляются сами по себе на «пустом» месте. В этом смысле преступник является достаточно мотивированным к совершению преступления лицом. А это означает, что для воздержания от преступных форм поведения от него требуются нередко весьма значительные усилия, чтобы противостоять своим желаниям, привычкам, негативному влиянию окружения или, наоборот, проявить внимательность и волю для недопущения неосторожных преступлений.

В умеренных дозах страх как раз и является тем катализатором, который способен мобилизовать положительную активность, внимательность и волевой контроль личности. Поэтому, рассчитывая на мобили-

---

[1] Цит. по: *Щербатых Ю.В.* Указ. раб. С. 380.

[2] См.: Там же. С. 124–127.

зующее действие страха перед уголовным наказанием, всегда нужно помнить приведенное высказывание И. Шевелева, ибо за некоторыми пределами возрастания социального страха начинают проявляться исключительно негативные и даже разрушительные его стороны.

Лучшее запоминание опасных или неприятных событий как результат эмоционального состояния страха так же важно для специально предупредительного действия уголовного наказания. Многочисленные наблюдения психиатров подтверждают, что условно-рефлекторные связи, возникающие на почве страха в связи с имевшими место неприятными или опасными событиями, в том числе и с фактом отбывания уголовного наказания (психологи еще называют их «якорями»), сохраняются на многие годы[1]. И неважно, что внешне, порой даже для самого человека, претерпевшего ранее тяготы и лишения от уголовного наказания, память о страхе от наказания сгладилась и поблекла. В любом случае вытесненный из сознания страх не пропадает совсем, он только «погружается» в глубины подсознания, всплывая оттуда ночью в снах или днем в определенных обстоятельствах, как-то связанных с той ситуацией, когда этот страх возник впервые. При этом сила и устойчивость таких воспоминаний напрямую зависят от интенсивности испытанного страха. Поэтому в принципе положительное влияние страха в виде закрепления в памяти воспоминаний о неприятных переживаниях, связанных с понесенным некогда наказанием, может при достижении таких воспоминаний достаточной устойчивости и силы значительно осложнять жизнь человека, способствуя многократному проигрыванию в голове психотравмирующей ситуации, что сопровождается сильными негативными переживаниями, а значит, продолжением страданий[2].

Третье положительное действие страха заключается в возможности для человека действовать в ситуации неопределенности, приспособиться к существованию в информационно неопределенной среде. При общей принципиальной ясности установленного под страхом наказания уголовно-правового запрета такой запрет ничего не говорит лицу, претерпевшему уголовное наказание, как конкретно он должен вести себя в ситуации, провоцирующей его на совершение преступления. Тут на помощь может прийти третье действие страха перед уголовным наказанием – бурная эмоциональная реакция может помочь найти подходящий способ непреступного поведения в ситуации, когда у личности недостаточно для этого соответствующего социального опыта, навыков и знаний. И может, на первый взгляд, такое реагирование избыточно и не-

[1] См.: *Щербатых Ю.В.* Указ. раб. С. 125.

[2] См.: Там же. С. 126.

экономно, зато оно предотвращает пропуск действительно важного сигнала или подходящего варианта поведения, игнорирование которого может стоить человеку очень дорого.

Отрицательное значение страха проявляется гораздо более широко и разнообразно, чем положительное. Страх может держать человека в постоянном напряжении, порождать неуверенность в себе и не позволять личности реализоваться в полную силу. Он сковывает активность человека, а в выраженных случаях буквально парализует его; при длительном действии тревоги и страха в организме могут возникать и развиваться различные психосоматические болезни. Если человека некоторое время держать в постоянном страхе, его личность претерпевает необратимые изменения. Он начинает бояться всего, во всем видеть потенциальную опасность. Духовные запросы и моральные нормы отходят на второй план, а главной целью жизни становится стремление любой ценой избежать пугающей ситуации[1].

И опять мы должны заметить, что если бы перед уголовным наказанием стояли только цели предупреждения преступлений, понимаемые как запугивание действительных и возможных преступников, тогда негативное действие страха перед наказанием не имело бы значения. Но если мы хотим, чтобы преступник вернулся в нормальное общество, стал его полноправным и нормальным членом, мы не можем превращать его в запуганное, психически и физически больное существо. Поэтому эмоциональное действие уголовного наказания на осужденного в виде страха имеет весьма узкое позитивно-прикладное значение. При этом, с одной стороны, в настоящее время, видимо, невозможно полностью отказаться от использования запугивающего действия уголовного наказания, а с другой – необходимо хорошо осознавать отрицательные последствия для личности такого действия уголовного наказания и использовать его по принципу строжайшей экономии уголовной репрессии. Применение уголовных наказаний должно оцениваться как воздействие, избираемое по принципу, напоминающему крайнюю необходимость, когда не допускается причинение вреда большего, чем причинил сам преступник, а допустимо лишь причинение ему либо меньшего, либо равного по своей тяжести вреда.

---

[1] См.: *Щербатых Ю.В.* Указ. раб. С. 131, 134.

О ПОНЯТИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В.Г. Швыдкий

В советский период развития науки уголовного исправительно-трудового права большинство ученых утверждали, что уголовное наказание – это кара, опираясь прежде всего на определение наказания в УК РСФСР 1960 г.

В доктринальных положениях, например, Б.С. Утевский исходил из того, что «кара – это принуждение»[1]; Б.С. Никифоров утверждал, что «кара предполагает принуждение к страданию, причем... к такому страданию, которое по своему характеру и деятельности пропорционально, соразмерно совершенному делу, преступлению»[2]; Н.А. Беляев полагал, что «наказание – это кара за совершенное преступление, наказание обязательно должно причинять преступнику лишения и страдания, без карательных элементов мера, применяемая к правонарушителям, не есть наказание»[3].

По мнению В.К. Дуюнова (1997 г.), «Кара – это справедливое (в современном, цивилизованном смысле, а не в средневековом значении талиона) осуждение, порицание виновного, объективное в своей основе соразмерное воздаяние ему за совершенный им проступок, которое вовсе не обязательно сопровождается страданиями осужденного»[4].

По нашему мнению, основной недостаток указанных положений, и прошлых, и настоящих, заключается в отождествлении наказания или с карой, или с принуждением; в более широком плане – в представлении о наказании, как о статичной вещи, предмете, т.е. без динамики, движения в самом содержании этого понятия. Как писал М. Фуко: «Уголовное

---

[1] См.: Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права. М., 1969. С.37.

[2] Там же. С.128.

[3] *Беляев Н.А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 64.

[4] *Дуюнов В.К.* Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11. С.67.

наказание есть обобщенная функция, сопряженная со всем телом общества и с каждым его элементом»[1].

Действительно, наказание представляет собой определенное существенное взаимодействие, которое имеет весьма богатое содержание. А без его структурирования, анализа элементов, их форм и содержания, функций, обусловленности трудно определиться и с сущностью наказания. Следовательно, «соль» понятия – в определении взаимодействия, качества синтетических и интегральных связей.

В философском знании взаимодействие представляет собой процесс воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождения одним явлением другого, их непосредственные или опосредованные, внутренние или внешние отношения или связи. Свойства того или иного явления могут быть познаны только во взаимодействии с другими[2].

Возможно ли при анализе наказания противопоставление понятий «принуждение» и «кара»? Не только возможно, но и необходимо! Однако при условии того, что последние взаимодействуют, образуя вместе с другими существенными связями и отношениями определенное «качество» под названием «уголовное наказание». В отрыве друг от друга данные понятия сами по себе не могут претендовать на определение сущности наказания. Более того, при системном представлении о наказании[3], очевидно, недостаточно названных двух структурных элементов: необходим элемент, интегрирующий взаимодействие *всей возможной совокупности элементов*, в т.ч. цели (целей) взаимодействия в определенный социально значимый результат. Субъекты конфликтного правоотношения в наказании (государство – осужденный) уже представляют собой элементарную систему, где имеются два разнородных элемента в определенной связи как часть структуры в целом. Следовательно, без категории «состав наказания» невозможно выявить всю совокупность признаков наказания, которые и составляют его правильное понимание.

По мнению К.А. Сыча, субъективную сторону уголовного наказания представляет «психическое отношение лица к применяемому к нему принуждению в качестве кары за совершенное преступление»[4]. Опреде-

---

[1] *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы: Пер. с фр. М.,1983. С. 81.

[2] См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 81.

[3] *Сыч К.А.* Уголовное наказание как система. Рязань, 1995. С. 3–17. Подчеркнем, что К.А. Сыч впервые в науке уголовного права России в монографической форме поставил проблему и рассмотрел понятие «состав уголовного наказания».

[4] *Сыч К.А.* Указ. соч. С. 32.

ление субъективной стороны наказания через отношения обосновывал еще в 1976 г. В.А. Елеонский[1]. Последний разделял концепцию В.Н. Мясищева, который писал: «Отношение человека...представляет собой сознательную, активную, избирательную, целостную, основанную на индивидуальном общественно обусловленном опыте систему временных связей человека как личности-субъекта со всей действительностью или отдельными ее сторонами»[2]. Мы принимаем данное определение отношения как основу анализа. Однако подчеркнем, что его использование для исследования уголовного наказания требует существенной конкретизации. Важно подчеркнуть, что страдания, боль, мучение лица от применяемого к нему принуждения – это также отношение, но качественно отличное от эмоций, чувств и т.п.: они представляют собой самое разное психическое содержание, обусловливающее механизм саморегуляций функций мозга и всего организма»[3], т.е. гомеостаз – поддержание жизни человека. Очевидно, страдание, боль, мучения психического характера (в данном случае мы исходим из того, что объектом наказания является не «тело», а «душа» осужденного, не затрагивая возможные соматические последствия связи психического и биологического) разрушают приспособительные способности организма (по крайней мере, его психические, психологические составляющие).

С.А. Рубинштейн писал: «В отличие от механического детерминизма, с точки зрения которого внешние причины непосредственно определяют эффект своего воздействия, независимо от собственных свойств тела или явления, на которое это воздействие оказывается, согласно диалектико-материалистическому детерминизму всякое воздействие есть взаимодействие, внешние причины действуют через посредство внутренних условий»[4]. Следовательно, страдание, боль, мучение (кара), как следствие применения объективных средств принуждения, выступает существенным «внутренним условием» наказания, т.е. выступает субъективной стороной наказания. Из данных положений следует также вывод о том, что при анализе наказания необходимо различать понятия «субъективная сторона наказания» и «субъективная сфера наказания», т.е. в самом общем определении – субъективная сторона наказания – это кара, а эмоции, чувства и т.п. самое подвижное, неустойчивое – субъек-

---

[1] *Елеонский В.А.* Отношения осужденных к наказанию. Рязань, 1976. С. 10–13.

[2] *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.,1960.С. 150.

[3] *Шингаров Г.Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971.С 26.

[4] *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 12.

тивная сфера. Когда В.К. Дуюнов[1], доказывая, что наказание возможно и без принуждения, приводит пример из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского о том, что Родион Раскольников добровольно и с радостью принимает наказание «как разрешение внутреннего противоречия, как успокоение наболевшей души; в грядущем труде и страданиях увидит он только спасительные средства, побуждающие к раскаянию и заглажению прошлого», – он путает причины и следствие, происходящие в психологической сфере человека, подвергнутого принуждению, не различает объективности, т.е. устойчивости психического (кары) и субъективной сферы наказания – подвижного, неустойчивого, по сравнению с карой.

Таким образом, кара – существенное свойство наказания. Оно объективно, как факт психический, психологический, и, естественно, «расположено» в субъективной сфере человека, предстает в идеальной психической форме, а виды наказания – это его объективность в материальной форме. Э. Фромм писал, что «каждый индивид есть клубок мотивов, импульсов и противоречий»[2]. Поэтому кара (страдание, боль, мучение) *дискретное* явление, которое существует в субъективной сфере (не стороне!) наказания, т.е. в совокупности различных эмоций, чувств или импульсов, которые как бы «окружают», «сопровождают» кару, могут быть и «причиной» и «результатом» кары. Кара в своей реальности, действительности существования в утверждаемом нами смысле может пребывать только как момент, поскольку в существе противоречит идентичности личности, разрушает ее.

Известный криминолог Н. Кристи писал: «Но я не знаю, что такое боль и как ее градуировать. Чтобы постичь существо боли, нужно понять суть добра и зла. Я воздерживаюсь от такого рода попыток»[3]. Он глубоко прав, поскольку речь идет о психическом и психологическом «крике» целостного человека, если использовать образное определение страдания физиологами «как физиологического крика, сознаваемого организмом» (Г.Х. Шингаров). Вместе с тем если физиологи для такого образного определения боли имеют объективные показатели и критерии оценки функционирования организма, то юридическая психология находится только на дальних подступах к таким показателям и критериям».

Страдание, боль от применения принуждения в определенной совокупности с субъективной сферой может служить тем «пусковым меха-

---

[1] *Дуюнов В.К.* Указ. раб. С. 62.

[2] *Фромм Э.* Ради любви и жизни. М., С. 162.

[3] *Кристи Н.* Пределы наказания. М., 1985. С. 20.

низмом» (А.Л. Ременсон), который только и дает возможность появления у осужденного качественно значимых для достижения целей наказания психологических состояний раскаяния, сожаления, стыда, страха и т.п. Подчеркнем, только дает возможность. «Переработка» сознанием осужденного страдания, боли, мучения как совершенно неприемлемого состояния его «я» не ведет с необходимостью к мысли о связи страдания с совершенным преступлением. А появление и утверждение такой мысли в рассмотренной нами психологической схеме представляется самым важным, поскольку это решающий фактор понимания осужденным того, что он сам породил собственное страдание, совершив преступление.

ЦЕЛЬ НАКАЗАНИЯ – ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А.Г. Антонов

Уголовный кодекс РФ 1996 г. впервые в истории российского уголовного законодательства закрепил ряд целей наказания. До его принятия в литературе велись многочисленные споры относительно формулировок целей наказания и их уголовно-правового значения. Несмотря на то, что на сегодняшний день круг их определен, многие вопросы сохранили свою актуальность, а также появились другие трудности, связанные прежде всего с определением содержания целей наказания, закрепленных в законе. На мой взгляд, большую степень противоречивости имеет цель наказания – восстановление социальной справедливости.

Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ целью наказания, наряду с другими, является цель восстановления социальной справедливости.

Справедливость – категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Она содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость[1]. Из данного определения видно, что справедливость невозможно рассматривать вне общества, в отрыве от жизни людей и их отношений в обществе. Однако законодатель ставит перед наказанием цель восстановление *социальной* справедливости. «Социальный» означает общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе[2]. Следовательно, обозначение этого термина в формулировке исследуемой цели наказания излишне.

---

[1] См.: Большой энциклопедический словарь. СПб., 2000. С. 1139.

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 752.

Некоторые ученые понимают цель восстановления социальной справедливости довольно узко, ограничивая ее справедливостью назначенного вида и размера наказания. В частности, И.В. Шмаров отмечает, что цель восстановления социальной справедливости реализуется уже при назначении наказания[1], то есть наказание еще не имеет места, а одна из его целей уже достигнута. В данном случае дублируется функция принципа справедливости, но упускается из вида значение справедливости применительно к соответствующей цели наказания.

Ряд авторов полагают, что восстановление социальной справедливости означает восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества, государства[2], то есть возмещение и восстановление нарушенных преступлением социальных интересов[3].

Итак, восстановление социальной справедливости – это справедливость назначенного наказания и восстановление нарушенных преступлением социальных интересов.

На первый взгляд данная позиция представляется верной, но необходимо решить вопрос о возможности восстановления социальной справедливости как таковой. Восстановить справедливость – привести в соответствие реальную значимость индивидов и их социальное положение, их права и обязанности. В результате преступления нарушается статус личности, общества и государства. Восстановить их утраченный статус невозможно. Русский православный философ В. Соловьев отмечает: «Самому Богу невозможно сделать, чтобы совершившееся было несовершившимся»[4]. В.Д. Филимонов указывает на компенсационный характер восстановления социальной справедливости[5], то есть в буквальном смысле ее восстановить нельзя. Например, при убийстве личность для общества и государства утрачивается безвозвратно, следовательно, невозможно восстановить и ее статус.

На мой взгляд, при назначении справедливого наказания достаточно положений, закрепленных в ст. 6 УК РФ, согласно которой наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Принцип спра-

---

[1] См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 37.

[2] См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2. М., 1999. С. 18.

[3] См.: Уголовное право России. Общая часть. Т. 1. М., 1998. С. 376.

[4] *Соловьев В.С.* Оправдания добра. М., 1996. С. 283.

[5] *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права. М., 2002. С.109.

ведливости означает не только то, что наказание должно быть справедливо в отношении виновного. Данный принцип подразумевает и реализацию карательного потенциала наказания, учет интересов личности, общества и государства, чьи интересы нарушены конкретным преступлением.

Из изложенного видно, что цель восстановления социальной справедливости является практически невыполнимой. Следовательно, нецелесообразно ее ставить перед наказанием. Исключение ее из уголовного закона не повлечет за собой образования пробела, так как содержательно цель восстановления социальной справедливости совпадает с положениями, закрепляющими принцип справедливости.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОМИЛОВАНИЯ

А.Я. Гришко

Анализ научных точек зрения на определение правовой природы помилования, выяснение его сущностной стороны в сопоставлении с институтами амнистии и реабилитации не позволяет согласиться с тем, что оно является только институтом какой-либо одной отрасли права. Помилование не может, в частности, являться только институтом государственного и уголовного права, тем более только уголовного права. Здесь нельзя не согласиться с утверждением А.Б. Мельниченко и С.Н. Радачинского: «В соответствии с п. «в» ст. 89 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации наделен компетенцией осуществлять помилование. Нет таких положений уголовного закона, которые могли бы ограничить это право Президента. Вследствие этого помилование не является реализацией уголовного закона»[1].

Учитывая то, что помилование закреплено в Конституции Российской Федерации (п. 3 ст. 50 – «Каждый осужденный за преступление имеет право... попросить о помиловании...»; ст. 71 – «В ведении Российской Федерации находятся: ... о)...помилование...»; ст. 89 – «Президент Российской Федерации... в) осуществляет помилование...»), изучаемый институт является в первую очередь предметом конституционного права. Государственное право в данном случае не является ведущим, оно обеспечивает реализацию конституционных норм путем создания необходимых государственных структур – систему органов, рассматривающих ходатайство о помиловании, принимающих решение об их удовлетворении или отказе. Да, действительно, наличие конституционной нормы, предусматривающей право на помилование, указание на высшее государственное должностное лицо, наличие системы органов, его реализующих, с одной стороны, позволяют отнести акт помилования к институтам государственного права, а упоминание освобождения винов-

[1] *Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н.* Уголовное право. Общая часть. Ростов н/Д, 2002. С. 281.

ного в совершении преступления от наказания, снятия судимости – с другой, делает правомерным признание помилования уголовно-правовым институтом.

Учитывая то, что институт помилования стимулирует правомерное поведение осужденных, их добросовестное отношение к основным средствам исправления, осознание своей вины и в целом способствует достижению одной из целей наказания – предупреждению преступлений, можно с полной уверенностью отнести его и к предмету криминологии. В пользу последнего свидетельствует и то, что незавершенность исполнения отбывания уголовного наказания, которое может выражаться в том числе и в необоснованном помиловании, особенности данной категории лиц обусловливают специфику деятельности органов внутренних дел по предупреждению рецидива среди помилованных[1].

В.Д. Филимонов справедливо отмечает, что уголовное законодательство не может не учитывать того, что общественная опасность личности преступника после совершения преступления неизменной, по общему правилу, не остается. «Под влиянием наказания и иных мер уголовно-правового воздействия она должна постепенно утрачиваться... Это обстоятельство предопределяет закрепление в Уголовном кодексе таких правовых норм, которые предусматривают правила учета... при освобождении от... наказания особенностей личности преступника и связанных с ними обстоятельств совершения преступления»[2]. Безусловно, одной из таких норм является статья уголовного закона, предусматривающая возможность освобождения лица, осужденного за преступление, от дальнейшего отбывания наказания либо его сокращения или замены более мягким видом наказания. Последняя стимулирует правомерное поведение лица и после освобождения от наказания путем снятия судимости (ст. 85 УК РФ).

Стимулирующая роль помилования заключается в том, что его применение является чаще всего видом поощрения за действия, одобряемые обществом (хотя это может быть и просто прощением за содеянное). Применение наказания за совершенное преступление является реализацией метода принуждения предупредительной функции уголовного права. Применение помилования, наряду с амнистией и другими видами досрочного освобождения от наказания, есть проявление метода поощрения. При этом последнее по отношению к методу принуждения играет вспомогательную роль, так как сфера его применения носит ограниченный характер. Если метод принуждения осуществляет преду-

---

[1] См.: *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 144.

[2] Там же.

предительную функцию путем подавления воли лиц на совершение преступлений, метод поощрения выполняет стоящую перед ним задачу путем регулирования поведения с помощью прав и обязанностей, которыми наделяются лица, совершающие или уже совершившие преступные действия[1].

Являясь формой реализации метода поощрения, помилование несет значительную предупредительную нагрузку. Закрепление его в Основном законе – Конституции Российской Федерации и развитие в других правовых нормах характеризует его как одобряемое обществом поведение, указывает на то, что при отбывании наказания нужно делать.

Помимо указанных отраслей права, помилование является и институтом уголовно-исполнительного права: во-первых, потому, что уголовно-исполнительным законодательством устанавливаются основания освобождения от отбывания наказания, среди которых есть и помилование – п. «д» ст. 172 УИК РФ; во-вторых, последним определяется порядок представления к помилованию – ч. 2 ст. 175 УИК РФ, содержание представления о помиловании – ч. 3 ст. 175 УИК РФ, порядок исполнения помилования от наказания в виде смертной казни ч. 2–4 ст. 184 УИК РФ; правовое положение осужденных к смертной казни, вопрос о помиловании которых не решен, либо ходатайство о помиловании удовлетворено, но они еще не направлены в исправительные учреждения для дальнейшего отбывания наказания – ч. 1, 2 ст. 185 УИК РФ; условия содержания заключенных к смертной казни, в отношении которых ходатайство о помиловании отклонено или принято решение о неприменении помилования до направления в соответствующие учреждения для исполнения приговора – ч. 4 ст. 185 УИК РФ.

Помилование в полной мере можно отнести и к административному праву, так как, например, комиссии по вопросам помилования, создаваемые на территориях субъектов Российской Федерации, образовываются постановлением их администраций. Последние являются по своей форме и содержанию актами административно-правового характера.

Подытоживая изложенное выше, можно в той или иной мере согласиться с большинством из приведенных точек зрения. Да, помилование с точки зрения права является межотраслевым институтом, видом поощрения, досрочного освобождения от наказания. Акты его применения не носят нормативного характера, применяются только после вступления приговора в законную силу в отношении конкретного лица. Помилование выполняет функцию предупреждения преступлений. Однако

[1] См.: *Филимонов В.Д.* Цит. раб. С. 150.

такой подход, по мнению автора, не отражает в полной мере его сущность.

Основной причиной или основным недостатком в объяснении природы рассматриваемого института является то, что авторы рассматривают его в основном с позиции юриспруденции, формального права. Однако как свидетельствует история его развития, помилование появилось задолго до закрепления в формальных нормах права и применялось в исключительных, нестандартных случаях. Интересно отметить, что, как показывает изучение практики работы комиссий по вопросам помилования в субъектах Российской Федерации, в большинстве случаев ходатайства о нем поддерживаются в отношении осужденных, совершение преступлений которыми имело особый характер или было вызвано нестандартными, исключительными обстоятельствами. Причем многие из них вовсе не «доказали» или «твердо встали на путь исправления».

В практике работы комиссий встречаются коллизии, когда на их рассмотрение поступают ходатайства о помиловании при наличии оснований для условно-досрочного освобождения. Комиссии при этом отказывают в первом. Такой подход рекомендуется и Управлением Президента Российской Федерации по вопросам помилования.

Следовательно помилование больше, чем вид поощрения и вид досрочного освобождения от отбывания наказания. Это подтверждает и систематический анализ ст. 85 УК РФ – «Помилование» и ст. 86 УК РФ – «Судимость». Если первая из приведенных статей предусматривает снятие судимости до истечения срока наказания в порядке помилования, то вторая регулирует этот вопрос только в судебном порядке при условии безупречного поведения. Это не является случайным, подчеркивает его исключительность.

Приведенное выше позволяет, по мнению автора, прийти к выводу, что помилование является исключительным институтом прежде всего естественного права человека на пощаду, прощение за то, что, во-первых, преступление в свое время было совершено в силу каких-то исключительных обстоятельств; во-вторых, в силу исключительности обстановки, сложившейся на момент подачи ходатайства о помиловании (наличие болезни, не дающей права на досрочное освобождение по этому основанию; семейные обстоятельства; несчастные случаи – аварии, землетрясения, наводнения и т.п.); в-третьих, в связи с совершением осужденным поступка, заслуживающего положительного одобрения общества.

О том, что помилование следует рассматривать именно через призму естественных прав человека, свидетельствует и отсутствие в законах

(УК, УИК РФ) каких-либо формальных ограничений для его применения. При этом если при условно-досрочном освобождении учитывается тяжесть совершенного преступления (при определении формальных оснований освобождения), то при помиловании такое ограничение отсутствует. Личность осужденного оценивается значительно шире, а не только на момент совершения преступления и в период отбывания наказания раздельно.

В соответствии с Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании при рассмотрении последних принимаются во внимание: характер и степень общественной опасности совершенного преступления; поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания; срок отбытого (исполненного) наказания; совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения; применение ранее в отношении осужденного акта амнистии, помилования или условно-досрочного освобождения от наказания; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением; данные о личности осужденного – состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст; другие обстоятельства, если комиссия сочтет их существенными для рассмотрения ходатайства. Последний случай (при условно-досрочном освобождении) в законодательстве не предусмотрен.

Поэтому рекомендации, выдаваемые комиссиям по вопросам помилования, в отношении того, что при рассмотрении ходатайств о нем поведение осужденного следует оценивать только во время отбывания наказания, не имеют под собой основания.

В пользу того, что помилование является прежде всего естественным правом человека, говорит регламентирование его отдельным нормативным правовым актом – Положением о комиссии по вопросам помилования. Положение презюмирует право осужденного самому (а не администрации – при применении поощрения) обращаться с ходатайством о помиловании. Причем в Положении предусматривают меры по обеспечению реализации этого права: обращение в письменной форме, регистрация ходатайства в специальном журнале; приложение к ходатайству по просьбе осужденного материалов, имеющих существенное значение для решения вопроса о помиловании; уведомление администрации учреждения осужденного о направлении ходатайства о помиловании в территориальный орган юстиции под расписку на копии соответствующего сопроводительного письма; запрещение отказа в направлении ходатайства о помиловании; опубликование списка лиц, рекомендованных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации к поми-

лованию, в средствах массовой информации в месячный срок со дня принятия такого решения.

Указанный вывод следует и из лексического значения слова «помилование». Помилование есть прежде всего прощение, заключающееся в отмене наказания за какую-либо вину, за какой-либо проступок[1], простить – значит миловать[2]. Последнее, в свою очередь, означает прощение, пощаду, благодеяние, щедроту, благоволение[3]. Помиловать – отменить или смягчить наказание, к которому приговорили обвиняемого; простить кому-либо «вину, проявить снисхождение к кому-либо»[4].

В качестве резюме сформулируем понятие помилования следующим образом: «Помилование – это акт прощения, милосердия со стороны государства, применяемый к лицу, осужденному за совершение преступления в установленном законом порядке, в связи с исключительными обстоятельствами или во время отбывания наказания, с учетом личности осужденного и потерпевшего, семейного положения осужденного, иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности совершения им нового преступления».

---

[1] См.: Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / Под ред. Т.Ф. Ефремова. М., 2000. С. 392.

[2] См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3: Л-Р / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1998. С. 1342.

[3] Там же. Т. 2: И-О. С. 850.

[4] См.: Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001. С. 573.

ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ ОСУЖДЕННЫХ О ПОМИЛОВАНИИ

Е.М. Захцер

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 установил новый порядок рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации. В соответствии с ним в первом полугодии 2002 г. было подано чуть более 1000 ходатайств, а в последующее время их поступает около 3000 ежемесячно[1]. Несмотря на некоторый рост количества ходатайств за истекший с момента принятия Указа № 1500 период, не подтвердились опасения о том, что комиссии по вопросам помилования будут завалены огромным числом таких материалов. Эти опасения вызывались тем, что возможность подачи ходатайств о помиловании никак не связывается с каким-либо минимальным сроком отбытия наказания и осужденные могут обратиться с ним в любое время. Итоги рассмотрения ходатайств о помиловании по Сибирскому федеральному округу за первое полугодие свидетельствуют о том, что комиссии работали без перенапряжения, в нормальном режиме (см. табл.).

Все поданные ходатайства поступили только от осужденных к лишению свободы на определенный срок, не зарегистрировано ни одного ходатайства от лиц, осужденных к иным наказаниям, перечисленным в ст. 44 УК РФ, либо от тех, кто просил бы о досрочном снятии судимости после отбытия наказания.

2. С начала действия Указа Президента РФ № 1500 по настоящее время осужденными было направлено около 13 000 ходатайств. Из них в 2002 г. Президент РФ помиловал 182 человека, а за первые 3 месяца 2003 г. – 250 человек[2]. Такой высокий процент отклоненных ходатайств о помиловании вполне объясним. Дело в том, что почти 98% обратившихся с просьбой о помиловании были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления, многократно судимы и около 50% из них совершили деяние, относящееся к опасному либо особо опасному рецидиву.

---

[1] См.: Всероссийское совещание председателей комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации. М.: Юрид., лит., 2003. С. 10.

[2] Рос. газ. 2003. № 64.

Рассмотрение ходатайств осужденных о помиловании

№ п/п	Субъект РФ	Рассмотрено ходатайств о помиловании	Рекомендовано к отклонению	% от рассмотренных	Рекомендовано к помилованию			
					Всего	%	К освобождению от наказания	К сокращению срока
1	Республика Алтай	12	6	50	6	50,0	2	4
2	Республика Бурятия	28	22	78, 6	6	21,4	6	
3	Республика Тыва	Ходатайств не поступало						
4	Республика Хакасия	31	26	83, 9	5	16,1	3	2
5	Алтайский край	41	34	82, 9	7	17,1	1	6
6	Красноярский край	162	129	79,6	23	14,2	22	1
7	Иркутская область	102	99	97,1	3	2,9	1	2
8	Кемеровская область	185	158	85,4	27	14,6	5	22
9	Новосибирская область	54	49	90,7	5	9,3	1	4
10	Омская область	20	16	80	4	20,0	1	3
11	Томская область	21	17	81	4	19,0	4	
12	Читинская область	82	75	91,5	7	8,5	4	3
13	Агинский Бурятский АО	Ходатайств не поступало						
14	Таймырский АО	« «						
15	Усть-Ордынский Бурятский АО	« «						
16	Эвенкийский АО	« «						

Нередко эти лица имеют непогашенные дисциплинарные взыскания, отбыли незначительную часть назначенного судом срока лишения свободы, а в их ходатайствах не содержится серьезных оснований для применения помилования.

Однако нельзя не обратить внимания на то, что Президент РФ отклонил подавляющую часть ходатайств осужденных, которые были поддержаны комиссиями по вопросам помилования субъектов РФ и главами их администраций. Так, на 24 заседаниях комиссии по вопросам помилования на территории Новосибирской области было рассмотрено 227 ходатайств и рекомендованы к помилованию 21 человек (9,3%), а отклонено 206 ходатайств (90,7%). Из этого числа в 2002 г. Президент РФ отказал в применении помиловании тринадцати из пятнадцати осужденных (86,7%), а в истекший период 2003 г. – четырем из пяти осужденных (80 %). При этом комиссия не получила от администрации Президента никакой информации о конкретных мотивах отказа. Такое отсутствие «обратной связи» не позволяет членам комиссии проанализировать причины отказов и осознать, в чем ее критерии отбора кандидатов на помилование не соответствуют предъявляемым к такому решению требованиям.

3. Анализ 200 ходатайств о помиловании показывает, что обоснование просьбы об освобождении осужденные в большинстве случаев мотивируют следующими обстоятельствами:

а) осознанием своей вины, раскаянием, осуждением содеянного;

б) хорошим поведением в период отбывания наказания, отсутствием нарушений режима;

в) положительными результатами в общеобразовательном и профессионально-техническом обучении;

г) плохим состоянием здоровья или его резким ухудшением;

д) бедственным материальным положением своей семьи и желанием в случае освобождения помогать родственникам и близким;

е) активным погашением материального ущерба, причиненного потерпевшим.

В отдельных случаях встречаются жалобы на усталость от наказания, бессмысленность существования в колониях, отрицательное воздействие других осужденных, преклонный возраст. Лишь в единичных случаях осужденные называют исключительные, экстраординарные обстоятельства, вызывающие их просьбу о помиловании (смерть родителей, которые воспитывали их детей; сочетание пенсионного возраста и тяжелого заболевания и т.д.).

Во многих случаях в ходатайствах не только нет серьезного обоснования просьбы о помиловании, но из прилагаемых к ним материалов вытекает целый ряд фактов, исключающих применение помилования, о чем хорошо известно этим осужденным. Встречаются и такие прошения, в которых при формальном признании вины и раскаянии содержатся утверждения о недоказанности обвинения, неправильной квалификации преступления, несправедливости назначенного наказания и т.п., что не находит никакого документального подтверждения. Создается впечатление, что осужденные обращаются в этих случаях с ходатайством «на авось», с целью «попробовать» и посмотреть, что из этого получится.

4. Помилование не должно ставить под сомнение действующий уголовный закон, по которому наказан осужденный, и обоснованность вынесенного приговора. Однако реалии жизни таковы, что перед комиссиями иногда встают связанные с этим сложные вопросы оценки и того и другого. Это имеет место, например, в связи с действующей редакцией ст.18 УК РФ о рецидиве и жесткими правилами назначения при этом наказания в соответствии со ст. 68 УК РФ. Сталкиваясь с приговорами к значительным срокам лишения свободы при небольшом размере материального ущерба от кражи (ч. 3 и 4 ст. 158 УК РФ при неоднократности или рецидиве), многие члены комиссий рассматривают это как чрезмерно суровый приговор. Между тем он в таких случаях не способствует выполнению предупредительных и воспитательных целей наказания, вызывает чувство отчаяния, озлобления у осужденного, порождает моральные и материальные невзгоды у членов его семьи[1]. Эта проблема может быть снята только строго выверенными санкциями статей Особенной части УК РФ, разумными нормами о порядке назначения наказания и безупречной судебной практикой по уголовным делам.

5. Институт помилования в известной мере «конкурирует» с институтом условно-досрочного освобождения от наказания, предусмотренным ст. 79 УК РФ. В связи с этим в ряде случаев определенную трудность решения вопросов о помиловании представляет ситуация, когда прошение подано осужденным при имеющихся у него основаниях быть представленным к условно-досрочному освобождению через непродолжительный промежуток времени. В практике работы комиссий сложилось мнение, что при возможности скорого условно-досрочного освобождения (особенно когда для этого необходимо отбытие 1/3 или 1/2

[1] См.: Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 11.

назначенного судом срока наказания) в большинстве случаев целесообразно дождаться решения суда по данному вопросу и только потом решать вопрос о помиловании по существу (если в момент подачи ходатайства нет экстраординарных или чрезвычайных аргументов в пользу помилования). Такое убеждение в значительной мере связано с тем, что при условно-досрочном освобождении есть правовая возможность предъявить определенные требования к поведению освобожденного, контролировать его и даже исполнить оставшуюся не отбытую часть наказания в случаях, перечисленных в ч. 7 ст. 79 УК РФ. При освобождении осужденного по помилованию таких возможностей нет, оно является безусловным и это учитывается как самим осужденным, так и членами комиссий по вопросам помилования.

6. Обсуждение вопросов о совершенствовании правового регулирования института помилования и механизма его реализации обострилось после того, как Министерство юстиции РФ без соблюдения порядка, установленного Указом Президента РФ № 1500, добилось помилования 97 женщин ко дню 8 Марта, а затем предложило юридически закрепить за ним право пользоваться такой возможностью «в исключительных случаях». Представляется, что для подобного решения нет никаких оснований. Наделение органа, отвечающего за исполнение наказаний, такими полномочиями таит в себе целый ряд возможных негативных последствий. Кроме того, это означает, что в значительном числе случаев процедура отбора кандидатур к помилованию будет выведена из-под общественного контроля и будет проводиться без учета мнения субъектов Федерации, на территории которых осуждаются и отбывают наказание данные осужденные. В связи с этим еще большую актуальность приобретает мнение о необходимости принятия федерального закона о помиловании, которое уже высказывалось многими специалистами. Право Президента России на принятие решения о помиловании, так же как и право каждого человека на прошение о помиловании, вытекает из Конституции Российской Федерации, и порядок его реализации должен быть установлен федеральным законом[1], что исключало бы и произвольные решения исполнительной власти по применению помилования.

[1] См.: Российско-французский коллоквиум «Помилование, амнистия, исполнение наказаний, смертная казнь». М.: Юрид. лит., 2002. С. 60–63.

ПРОДЛЕНИЕ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

Н.В. Ольховик

В ч. 2 ст. 74 УК РФ впервые предусмотрена возможность продления испытательного срока как одного из возможных последствий условного осуждения. Установив в качестве условий его применения нарушение осужденным общественного порядка или уклонение от возложенных судом обязанностей, законодатель тем самым предусмотрел, во-первых, еще одно средство, обеспечивающее исполнение осужденным этих требований режима испытания, и во-вторых, дополнительную санкцию, применяемую за их неисполнение.

Если подойти к оценке эффективности этой меры по частоте использования ее судами, то не приходится сомневаться в эффективности ее применения. Так, удельный вес условно осужденных, в отношении которых испытательный срок был продлен, в 2002 г. достиг 0,7%, в то время как в 1997 г. этот показатель составлял 0,1% от среднесписочной численности условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Западно-Сибирского региона.

В соответствии с ч. 2 ст. 74 УК РФ если осужденный в течение испытательного срока уклоняется от исполнения возложенных на него обязанностей либо совершает нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, то суд может продлить испытательный срок, но не более чем на один год. Исходя из буквального смысла этой нормы для продления испытательного срока достаточно разового уклонения от исполнения возложенных обязанностей (например, неявка в органы внутренних дел для регистрации, посещение места, запрещенного судом, и т.п.) *либо* нарушения общественного порядка (например, мелкое хулиганство, неповиновение законному требованию работника милиции и т.п.). Однако в правоприменительной практике суда и контролирующего органа отсутствует опыт продления испытательного срока только за однократное нарушение общественного порядка, которое повлекло привлечение к административной ответственности, либо за разовое неисполнение возложенной судом

обязанности. Каждый осужденный, который попал в эту группу исследования, *систематически* допускал нарушения общественного порядка и не исполнил одну или несколько обязанностей либо совершил одно нарушение общественного порядка и *систематически* не исполнял возложенные на него обязанности, вследствие чего суд удовлетворил все представления уголовно-исполнительной инспекции с первого раза, при этом 75% испытательный срок был продлен на 6 месяцев, а остальным – на три месяца и только в одном случае вышел за максимальные пределы испытательного срока, установленные в ч. 3 ст. 73 УК РФ.

К числу нарушений общественного порядка, допускаемых условно осужденными, относятся: мелкое хулиганство, распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах, появление в общественных местах в состоянии опьянения. Эти нарушения требований режима испытания характерны для всех обследованных осужденных.

Что касается неисполнения возложенных обязанностей, являющихся одним из оснований продления испытательного срока, то к наиболее распространенным из них относятся обязанности, связанные с работой (66,6%), являться на регистрацию (33,3%), пройти курс лечения от наркомании (22,2%), не менять места жительства без уведомления уголовно-исполнительной инспекции (22,2%), поступить на учебу (11,1%), являться по вызову уголовно-исполнительной инспекции (11,1%)[1].

В то же время из буквального смысла ч. 2 ст. 74 УК РФ и ч. 3 ст. 190 УИК РФ не следует, что наличие соответствующих нарушений режима испытания является достаточным для решения вопроса о продлении испытательного срока. В этом плане Инструкция[2] требует учитывать личность осужденного, характер преступления, и его отношение к совершенному деянию, труду, учебе. Суд при решении вопроса о продлении испытательного срока должен проверить как факт уклонения от исполнения возложенных обязанностей, его причины, так и факт нарушения общественного порядка и законность применения к условно осужденному меры административного наказания.

---

[1] Итог больше 100%, так как осужденные допускали несколько разных по характеру нарушений.

[2] См.: Приказ № 403 МВД РФ "Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания" от 1 июля 1997 г.

Исходя из этого интерес представляет анализ данной категории условно осужденных с точки зрения показателей, относящихся к преступлению, а также личности и образа жизни виновного.

С точки зрения предшествующей (первичной) преступной деятельности 33,3% нарушений режима, которые повлекли продление испытательного срока, приходится на осужденных за кражу; 11,1% – на грабителей (ч. 2 ст. 161 УК РФ); 44,4% – на осужденных за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ч.1, 2 ст. 228 УК РФ); 11,1% лиц из исследуемого контингента были осуждены за преступления против жизни и здоровья (ст.119 УК РФ).

В свете рассматриваемой проблемы особый интерес представляют данные о нарушениях режима испытания, допускаемых условно осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, с точки зрения их первичной преступной деятельности. Наибольшее число нарушителей режима приходится также на воров (66,6%), грабителей (24%) и осужденных по ч. 1–3 ст. 228 УК РФ (24%), которые в течение испытательного срока допускали следующие нарушения режима испытания: неисполнение обязанностей, возложенных судом (93,3%), неисполнение обязанностей, предусмотренных ч. 4 ст.188 УИК РФ (18,6%), нарушения общественного порядка (25,5%), но по определенным причинам инспекция не обращалась в суд с представлением о продлении им испытательного срока.

Если сравнить приведенные данные, то становится понятно, что характер совершенного преступления и характер нарушений режима испытания не являются значимыми с точки зрения формирования убеждения уголовно-исполнительной инспекции о необходимости продления испытательного срока. Об этом также свидетельствует практически одинаковый в сравниваемых группах удельный вес лиц, осужденных за групповые преступления (44,4%). В связи с этим отмеченные обстоятельства позволяют критически отнестись к деятельности уголовно-исполнительной инспекции, которая не старается использовать возможность продления испытательного срока в целях корректировки поведения осужденного, а, предупредив его о возможности отмены условного осуждения, *ожидает* изменений его поведения в положительную либо отрицательную сторону.

В плане определения того, чем же руководствуется уголовно-исполнительная инспекция, направляя в суд представление о продлении испытательного срока, не меньший интерес представляет сравнительный анализ рассматриваемой категории осужденных с общей массой контингента по возрасту. Среди условно осужденных с продленным

испытательным сроком по сравнению с общей массой условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, на 16,3% больше лиц в возрасте от 25 до 29 лет. Именно на эту возрастную группу приходится 33,3% всех совершенных преступлений. Меньшая вероятность продления испытательного срока характерна для возрастных групп от 18 до 24 лет (11,2%) и старше 30 лет (22,2%), поскольку во всем контингенте, состоящем на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, они занимают 16 и 42% соответственно. По сравнению с общей массой среди условно осужденных с продленным испытательным сроком оказалось значительно меньше лиц, состоящих в браке (12,2%) и имеющих детей (12,2%). В общей массе условно осужденных таких лиц насчитывается 32,4 и 34,9%. Кроме того, при принятии решения о продлении испытательного срока наверняка учитывалось, что подавляющее большинство из них не работало и не училось (77,8%); 44,4% имели непогашенную судимость; 75% отрицательно характеризовались по месту жительства в течение испытательного срока. В общей массе условно осужденных таких насчитывалось 40,2, 9,3 и 8,18% соответственно.

Изложенные обстоятельства, относящиеся к личности осужденного, как представляется, и сыграли решающую роль при направлении представления в суд о продлении испытательного срока. Исключением явился образовательный уровень этих условно осужденных, который в целом превышает соответствующий показатель в общей массе изученного контингента, в котором на 7,7% меньше лиц, имеющих среднее специальное образование.

Вместе с тем, по нашим данным, к числу обстоятельств, учитываемых судом при применении ч. 2 ст. 74 УК РФ, следует отнести продолжительность испытательного срока, оставшегося до снятия с учета уголовно-исполнительной инспекции. Так, абсолютному большинству условно осужденных испытательный срок был продлен в тот момент, когда до его истечения оставалось менее пяти месяцев.

Таким образом, исследование показало, что продление испытательного срока как мера ответственности осужденного и способ реагирования контролирующего органа на его поведение носит промежуточный характер, поскольку применялось в случаях, когда возлагать на осужденного дополнительные обязанности не имеет смысла (до истечения испытательного срока остается менее пяти месяцев), а отменять условное осуждение становится нецелесообразным, ибо суды стремятся еще раз проверить поведение испытуемого.

Приведенные данные о нарушениях режима испытания, личности и образа жизни осужденных позволяют сделать и другой вывод. Во-

первых, рассмотренные нарушения режима испытания мало отличаются от тех, которые явились основанием отмены условного осуждения в порядке ч. 3 ст. 74 УК РФ. Если к этому добавить, что почти 13% осужденным с продленным испытательным сроком условное осуждение впоследствии отменялось за систематическое неисполнение возложенных обязанностей, то критерии, которыми руководствовался суд при принятии того или иного решения, не совсем понятны.

Кроме того, приведенные данные свидетельствуют о том, что продление испытательного срока применяется на практике в тех случаях, когда у суда имеются все основания для отмены условного осуждения и исполнения назначенного судом наказания. В этой связи нельзя не отметить и то, что, в отличие от наказаний, ч. 2 ст. 74 УК РФ, по сути, предусматривает увеличение срока уголовной ответственности, продолжительность которого устанавливалась исходя из обстоятельств, имеющих место на момент осуждения, а не в течение срока исполнения этой меры. Указанные обстоятельства, как нам представляется, позволяют поставить вопрос о нецелесообразности существования нормы о продлении испытательного срока вообще.

ПОНЯТИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

К.Н. Тараленко

В УК РФ под рецидивом преступлений понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18). В соответствии с ч. 4 судимости за преступления, совершенные до достижения лицом восемнадцати лет, при определении рецидива преступлений не учитываются. Отсюда следует, что за деянием несовершеннолетнего, даже если он совершает новое преступление после осуждения за первое в течение срока судимости, нельзя признать рецидива. То есть возраст лица при совершении первого преступления является существенным признаком рецидива. Таким образом, понятия «рецидив преступлений несовершеннолетних» не может быть по определению, если основываться на легальном (уголовно-правовом) определении.

Но законодательная формулировка сама по себе не может исключить из объективной действительности существование явления. Поэтому объект нашего исследования следует определять исходя из фактического состояния деятельности по предупреждению преступности. На наш взгляд, возникающая в результате двойственность определений не может заставить исследователя отказаться от исследования объекта. Хотя использование в смежных науках одного термина при разном его понимании невозможно, однако это не исключает дифференциацию его видов[1].

В юридической литературе выделяют легальный, криминологический и пенитенциарный рецидив[2]. Если под пенитенциарным рецидивом понимается совершение нового преступления в процессе отбывания наказания, то понятие криминологического рецидива определяется рядом обстоятельств: факт совершения первого преступления; наличие по нему приговора; факт совершения последнего преступления. Причем факт отбытия наказания за первое преступление значения не имеет. Судимость интересует нас лишь

---

[1] См.: *Зелинский А.Ф.* Рецидив преступлений: (Структура, связи, прогнозирование). Харьков, 1980. С. 5.

[2] См.: Предупреждение рецидива преступлений: Учеб. пособие / Ред. С.А. Елисеев. Томск, 1990. С. 4–5.

как одна из характеристик личности, хотя и говорит о недопустимости применения к лицу правоограничений, с ней связанных.

В юридической литературе встречается широкий взгляд на определение рецидива, когда его признают независимо от приговора суда и от того, привлекались ли виновные ранее к уголовной ответственности, от наличия судимости[1]. Мы не согласны с этим утверждением, так как в данном случае повторения как такового может и не быть. Рецидивом называют повторение после чего-либо, после какого-то рубежа, который необходимо четко определить[2]. Нам нужно зафиксировать факт предполагаемого исчезновения явления прежде, чем констатировать его повторение. Таким фактом является обвинительный приговор. Если лицо, совершившее несколько преступлений, не было осуждено, то никто не может знать, какова была его реакция на применение к нему уголовного наказания, оно может никогда более не совершить преступления в результате первого же такого воздействия[3]. Аналогичным образом решается вопрос, когда за первое преступление реакция государства последовала, но с освобождением от уголовной ответственности.

Представляется, что любая другая реакция государства недостаточна, так как лицо виновным в этом случае не признается (ст. 49 Конституции РФ). Именно при осуждении дается окончательная, от имени государства оценка поведения человека. В приговоре заключен не только юридический, но и большой социально-политический смысл осуждения.[4] Повышение ответственности за рецидив предполагает констатацию факта нечувствительности преступника именно к назначенной судом мере уголовной ответственности. Поэтому оснований усиливать наказание из-за того, что лицо пренебрегло не назначенным наказанием и вновь совершило преступление, несправедливо, так как больше говорит о несовершенстве системы предупреждения преступлений.

Существует мнение, что рецидив возможен лишь в случае полного или частичного исполнения наказания либо рецидив ставится в зависимость от видов наказания[5]. Указанный подход основан на понимании наказания как основной меры уголовной ответственности, а иных мер

---

[1] См.: *Клочков В.В.* Актуальные вопросы советской криминологии // Сов. государство и право. 1977. № 5. С. 44.

[2] См.: *Зелинский А.Ф.* Указ. раб. С. 5.

[3] *Ефимов М.А., Шкурко В.А.* Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977. С. 7–8.

[4] *Иващенко А.В.* О понятии многократного рецидива // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1983. С. 90.

[5] См.: *Ефимов М.А., Шкурко В.А.* Указ. раб. С. 9.

уголовно-правового характера – как исключительных. В действительности же в системе мер уголовно-правового предупреждения применение любой меры имеет свои основания. Поэтому верным является признание рецидива не только в случае реального исполнения наказания, но также в случае применения иных мер уголовно-правового характера, в том числе условного осуждения. Как справедливо заметил А.В. Иващенко, рецидив как выражение связи между преступлениями не должен ставиться в зависимость от видов наказания, от того, в каком объеме оно исполнено, отсюда можно говорить о рецидиве, когда очередное преступление совершается в период условного осуждения[1].

Представляется, что рецидив должен определяться не наличием судимости за ранее совершенное преступление, а наличием обвинительного приговора суда за ранее совершенное преступление, даже если он еще не вступил в законную силу[2], т.к. официальное осуждение и предостережение, которым преступник пренебрегает, судом осуществляется не в момент вступления приговора в законную силу, а в момент провозглашения приговора. Поэтому нужно считать рецидивом преступлений любой случай повторения общественно опасного деяния лицом, виновность которого в ранее совершенном преступлении была признана судом в приговоре с применением наказания или иных мер уголовно-правового характера. Это соответствует основаниям повышенной ответственности за рецидив: в этом случае осужденный проявляет более глубокую и стойкую антисоциальную направленность, более высокую опасность для общества, потому его поведение заслуживает специальной профилактики.

Следующим признаком рецидива является связь преступлений: совершение однородных или иным образом связанных преступлений, а также совершение умышленных или также связанных с ним неосторожных преступлений. Именно в такой связи объективно проявляются качества рецидивиста, которые являются объектом криминологической профилактики.

Связь преступлений проявляется в интенсивности рецидива: чем меньше период времени между осуждением или истечением испытательного срока и новым преступлением, тем очевиднее, что реализованная мера уголовно-правового характера не привела к исправлению осужденного. Напротив, при значительном промежутке времени между указанными событиями больше оснований полагать, что к совершению рецидивного преступления данное лицо привели новые неблагоприят-

---

[1] *Иващенко А.В.* Указ. раб. С. 91.

[2] Разумеется, рецидива не будет, если приговор за первое преступление был отменен.

ные обстоятельства. Исследователи отмечают, что основной массив (от 87 до 93%) рецидивных преступлений приходится на первые 1–2 года после отбытия наказания[1]. После двух-, трехгодичного интервала связь между первичным и рецидивным преступлениями обнаруживается все слабее и слабее.

Одним из признаков определяемого понятия является возраст осужденного на момент совершения рецидивного преступления от 14 до 21 года. Для такого расширения возрастных границ за счет лиц от 18 до 21 года в нашем случае есть следующие основания: 1) исследование возрастных особенностей несовершеннолетних показало незначительную разницу между лицом в возрасте 17 лет и лицом в возрасте 18 лет по основным психологическим и социальным характеристикам; 2) сам законодатель в некоторых случаях распространяет правовое положение несовершеннолетних на лиц в возрасте 18–21 года[2]; 3) рассмотрение проблемы рецидива несовершеннолетних в рамках возрастной границы 18 лет не имеет смысла, так как большинство повторных преступлений таких лиц совершаются после совершеннолетия.

Таким образом, под рецидивом преступлений условно осужденных несовершеннолетних понимается криминологический рецидив, заключающийся в совершении лицом, осужденным в несовершеннолетнем возрасте условно, нового умышленного или неосторожного преступления в период с момента постановления приговора в течение испытательного срока или после его прекращения до достижения возраста 21 года. Это определение учитывает общие характеристики несовершеннолетних с лицами в возрасте до 21 года, оно включает в себя специфику порядка погашения судимости при условном осуждении, а также особенности осуществления контроля за поведением условно осужденных в несовершеннолетнем возрасте. Использование такого определения рецидива среди условно осужденных несовершеннолетних в уголовно-статистическом учете обеспечило бы отражение действительного положения дел в данной сфере предупреждения рецидивной преступности. Используя такое определение, рецидивная преступность среди условно осужденных несовершеннолетних может быть обозначена как самостоятельный объект криминологического исследования и подлежит изучению для определения эффективности применения условного осуждения к несовершеннолетним с точки зрения ее показателей.

---

[1] См.: *Сафонов А.П.* О рецидиве преступлений, совершенных лицами, отбывшими лишение свободы // Сов. государство и право. 1967. №3. С. 110–111, Зелинский А.Ф. Указ. раб. С. 120.

[2] Например, ст. 96 УК РФ.

ШТРАФ И ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

С.С. Уткина

В действующем уголовном законодательстве наказания в виде штрафа и лишения свободы (на определенный срок или пожизненно) находятся на разных «полюсах» системы наказаний, следовательно, расцениваются как наименее строгое и наиболее строгое. Лишение свободы занимает это место де-факто, учитывая, что смертная казнь все же не отменена. Штраф занял свое положение наименее строгого наказания де-юре в результате эволюции отечественного уголовного права по мере исключения из системы наказаний таких, как «предостережение» (УК РСФСР 1926 г.), «общественное порицание», «возложение обязанности загладить причиненный вред», «увольнение от должности» (УК РСФСР 1960 г.).

Помимо различной степени строгости[1], штраф и лишение свободы – качественно различные наказания, поскольку они имеют объектом своего правопоражения (лишения, ограничения) совершенно разные стороны человеческого бытия, юридического статуса личности виновного. В первом случае это имущественная сфера, во втором, по сути, весь образ жизни осужденного, существенно деформирующийся при помещении его в исправительное учреждение.

Тем не менее отмеченные в литературе черты взаимодействия в системе наказаний[2] в последнее время все четче проявляются между такими ее крайними элементами, как лишение свободы и штраф. Остановимся на наиболее важных из них.

Штраф как альтернатива лишению свободы. Начиная с УК РСФСР 1960 г., шел постоянный рост числа и удельного веса санкций

---

[1] На наш взгляд, не правы авторы, которые подходят к системе наказаний с позиции их «тяжести» (см., например: *Ткачевский Ю.М.* Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Зерцало, 1997. С. 119 и др.). О тяжести уместнее говорить применительно к категориям преступлений (ст. 15 УК РФ).

[2] См.: *Багрий-Шахматов Л.В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 139, 379.

УК, предусматривающих штраф в качестве основного наказания. В 1960 г. их было 17% от всех санкций Особенной части УК. В УК РСФСР 1960 г. по состоянию на 1 марта 1996 г. количество таких санкций возросло с 57 до 163 (то есть на 186%) и стало составлять 31% всех санкций Особенной части. УК РФ 1996 г. по состоянию на 1 июня 2003 г. содержит уже 212 таких санкций (38% всех санкций УК). Нетрудно заметить, что на протяжении этого периода (1960–2003 гг.) число санкций со штрафом в качестве основного наказания возросло почти в четыре раза (хотя общее число санкций – только на 51%).

Параллельно еще более выразительно росло количество и доля санкций, предусматривающих штраф в качестве альтернативы лишению свободы. В УК РСФСР 1922 г. (в ред. 1926 г.) таких санкций было 21 (или 27% от всех санкций, предусматривающих штраф в качестве основного наказания). УК РСФСР в ред. 1996 г. содержит уже 116 таких санкций (71%). По УК РФ 1996 г. их число составляет 143, или 67% всех санкций со штрафом как основным видом наказания. Причем, учитывая, что введение в действие наказаний в виде ареста, обязательных работ и ограничения свободы отсрочено, в 39 санкциях УК штраф выступает как единственное реальное наказание – альтернатива лишению свободы. И если, как отмечалось, общее число санкций со штрафом в качестве основного наказания за более чем сорокалетний период возросло почти в четыре раза, то санкции со штрафом как альтернативой лишению свободы – примерно в пять раз.

Штраф как дополнительное к лишению свободы наказание. По УК РСФСР 1922 г. штраф как дополнительное наказание («мера социальной защиты») мог назначаться по усмотрению суда (ст. 42 УК), поэтому в качестве дополнительного наказания в санкциях Особенной части не указывался. УК 1960 г. установил, что штраф может налагаться судом лишь «в случаях и пределах, установленных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса (ст. 30)».

Тем самым возможности применения штрафа в качестве дополнительного наказания при лишении свободы (реальном либо условном) были минимальны, что и нашло подтверждение в решениях высших судебных органов СССР и РСФСР[1].

В Особенной части УК 1960 г. была лишь одна такая норма. Ст. 203 предусматривала за незаконный подъем Государственного флага СССР или союзной республики на торговом судне наряду с лишением свободы в качестве дополнительного наказания «штраф в размере полной стоимости судна». Позднее появилась ст. 167[1], устанавливающая ответ-

[1] См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 2. С. 13.

ственность за нарушение законодательства о континентальном шельфе с дополнительным к лишению свободы штрафом, а затем ст. 167[2] (ч. 2) и 208 (ч. 2, 3) с аналогичными санкциями. Таким образом, в 1996 г. в УК РСФСР было уже 4 нормы, где штраф предусматривался как дополнительное к лишению свободы наказание (это последствие из ст. 203 УК было позднее исключено).

В УК РФ 1996 г. имеется уже 22 санкции, где штраф упоминается в качестве дополнительного к лишению свободы наказания. Причем это не предел. Проект Федерального закона об изменениях и дополнениях в УК РФ, прошедший в 2003 г. два чтения в Государственной Думе, предусматривает, в частности, отмену конфискации имущества в качестве дополнительного наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления с заменой ее штрафом до 500 тыс. и 1 млн. рублей. Если эти новеллы будут приняты, то число санкций, имеющих штраф в качестве дополнительного к лишению свободы наказания, возрастет еще на 32, или примерно в два с половиной раза[1].

Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом. На протяжении всего существования советского уголовного права, начиная с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., доктрина и законодатель относились к этому резко отрицательно. Еще в 1921 г. Верховный трибунал ВЦИК специальным циркуляром разъяснял, что «замена тюремного заключения штрафом... совершенно не соответствует общему направлению карательной политики»[2]. Понятно, что запрет замены штрафа лишением свободы и наоборот имел под собой прежде всего идеологическую основу: «Применение наказания в виде штрафа выгодно господствующему классу, так как это создает благоприятную возможность имущим откупиться,... в то время как для бедняков штраф нередко становится замаскированным видом тюремного заключения»[3].

Рассматриваемый запрет нашел отражение в УК РСФСР 1922 г. (ч.3 ст.42), в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (ст. 27), в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 27), в УК РСФСР

---

[1] Между тем возрастание предельной суммы штрафов до 500 тыс. или 1 млн. рублей, на наш взгляд, вряд ли позволяет считать штраф наиболее мягким во всей системе уголовных наказаний и требует качественно иного механизма его исполнения.

[2] Цит. по: *Шишов О.Ф.* Становление и развитие науки уголовного права в СССР. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 78.

[3] *Шахунянц Е.* Не можешь заплатить штраф – садись за решетку // Сов. юстиция. 1978. № 5. С. 31.

1960 г. (ст. 30) и поначалу воспроизводился в проектах Уголовного кодекса РФ (в 1991 и 1992 гг.).

Тем не менее в более поздний период к данному запрету стали подходить уже не столь категорично. В частности, указывалось, что замена лишения свободы штрафом возможна тогда, когда при наличии исключительных обстоятельств дела и личности виновного суд признает необходимость перехода к другому, более мягкому виду наказания с обязательным указанием мотивов такого решения[1]. Кроме того, существовала теоретическая возможность замены штрафа лишением свободы, если согласно ст. 30 УК РСФСР штраф вначале заменялся осужденному исправработами, а последствием уклонения от отбывания исправработ было лишение свободы.

Действующий УК РФ не содержит запрета замены штрафа лишением свободы и наоборот, что в принципе правильно. Во всех цивилизованных странах тюремная решетка весьма действенный инструмент обеспечения исполнения штрафа, хотя сохраняется общее правило, что решение об «отзыве» такой санкции «не должно в обязательном порядке приводить к решению о наказании в виде лишения свободы»[2]. Однако принятая в УК РФ норма остается «половинчатой». В ч. 5 ст. 46 указано, что при злостном уклонении от его уплаты штраф может заменяться обязательными работами, исправительными работами или арестом. Если иметь в виду, что два из упомянутых наказаний пока носят «виртуальный» характер и что в организации исправработ существуют серьезные проблемы, ясно, что реального механизма его обеспечения штраф еще не имеет.

В этой связи заслуживает внимания положение упомянутого выше проекта изменений и дополнений УК РФ, где сказано, что «в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется обязательными работами, исправительными работами, ограничением свободы, арестом или лишением свободы соответственно размеру назначенного штрафа в пределах санкций соответствующей нормы Особенной части настоящего Кодекса».

Как отмечалось выше, штраф в качестве основного наказания как альтернатива лишению свободы предусмотрен ныне в 143 санкциях, или 67% всех содержащих штраф в качестве основного наказания. Следовательно, рамки использования такой законодательной новеллы в

---

[1] См.: Уголовное право. Часть общая: Учеб. пособие. Т. 3. Уголовное наказание: понятие, виды, назначение. Екатеринбург, 1994. С. 33.

[2] Европейские правила общественных санкций и мер взыскания: Рекомендация Комитета министров стран-членов Совета Европы R 92 (16) от 19 октября 1992 г., п. 86.

обеспечении исполнения штрафа будут весьма широки. Прежде всего – по преступлениям против собственности (11 из 12 «штрафных» санкций главы 21 альтернативны лишению свободы), против интересов службы в коммерческих и иных организациях (8 из 8 «штрафных» санкций в главе 23), преступлений против общественной безопасности (8 из 9 в главе 24), против здоровья населения и общественной нравственности (18 из 20 в главе 25 УК РФ).

Однако в проекте изменений УК, к сожалению, остался обойденным вопрос о судьбе штрафа при злостном уклонении от его уплаты, если он назначен осужденному в качестве дополнительного наказания. Здесь возможны две различные ситуации. Первая – когда штраф назначен как дополнительное наказание к реальному лишению свободы и осужденный находится в исправительном учреждении. Трудно предположить, что в подобных условиях возможны такие предусмотренные ст. 32 УИК РФ формы злостного уклонения, как «сокрытие доходов и имущества от принудительного взыскания». В данном случае остается уповать на должную активность судебного пристава-исполнителя, подкрепленную соответствующими стимулами и положениями, предусмотренными Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Но если штраф назначен в качестве дополнительного наказания при условном лишении свободы, обязанность его уплаты в установленный срок по своему «рангу» и значимости во всяком случае не должна быть ниже прочих юридических обязанностей, возлагаемых судом в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ. Иными словами, злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного при условном осуждении, должно вести к отмене условного осуждения. Это положение заслуживает закрепления в ч. 3 ст. 74 УК РФ.

Что касается замены лишения свободы штрафом, то в рамках действующего законодательства она возможна на основании ст. 64, ч. 2 ст. 65, ст. 80, 84, 85 УК РФ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ (ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ) РАБОТЫ В ГЕРМАНИИ

С.В. Чубраков

Уголовное законодательство Германии предусматривает несколько возможностей назначения общественных работ. Следует учитывать, что общественные работы (gemeinnützige Arbeit[1]) – это обобщенное название, которое объединяет несколько схожих по своей природе, содержанию и порядку исполнения санкций, связанных с привлечением виновных к выполнению различного рода работ на благо общества. В каждом же конкретном случае эти меры могут называться по-разному, например: обязанности по выполнению работ (Arbeitsauflagen), рабочая повинность (Arbeitsleistungen), указания о выполнении работ (Arbeitsweisungen). Термин «общественные работы» (gemeinnützige Arbeit) введен и нередко используется в немецкой юридической литературе, по сути, для удобства, являясь средством ликвидации чисто терминологической путаницы.

Возможные варианты применения общественных работ целесообразно рассматривать раздельно применительно к взрослым и несовершеннолетним преступникам, поскольку при назначении данной санкции к указанным категориям осужденных используются принципиально разные подходы.

Применительно к совершеннолетним осужденным используются два возможных способа назначения общественных работ. Во-первых, они могут быть назначены судом в качестве обязанности (gemeinnützige Leistungen) при условном осуждении (§ 56в УК Германии) и условно-досрочном освобождении (§ 57 УК Германии). В данном случае они рассматриваются как удовлетворение за ранее совершенное правонарушение, и считается, что по этой причине осужденный во время их выполнения не должен совершать каких-либо действий, которые будут требовать дополнительного частно-превентивного воздействия[2].

---

[1] Дословно название этой меры переводится как «общественно полезные работы».

[2] Strafgesetzbuch: mit Erläuterungen / bearb. Von *Karl Lackner; Kristian Kühl*. 24., neue bearb. Aufl. München: Beck, 2001. S. 321.

Во-вторых, Вводный закон к УК Германии от 2 марта 1974 г. предусматривает в § 293 (раздел семь – «Дополнительное уголовно-правовое регулирование») еще одну возможность назначения данной меры. Этот параграф предоставляет правительству земель право на принятие таких правовых предписаний, на основании которых осужденным к денежному штрафу в случае невнесения установленной суммы данное наказание может быть заменено не по правилам § 43 УК Германии лишением свободы, а добровольными общественными работами (freie Arbeitsleistungen). При этом как только осужденный выполнит предписанное ему количество часов общественных работ, то лишение свободы считается отбытым и уже к нему применено быть не может. Правительства земель могут передавать полномочия по правовому регулированию этих вопросов своим управлениям юстиции. Данный Вводный закон специально акцентирует внимание на том, что выполнение общественных работ не порождает рабочих отношений в смысле трудового права и права социального обеспечения. Он устанавливает, что данная мера должна расцениваться как «помилование» от лишения свободы, и выполняется она аналогично, как и общественные работы, назначаемые по иным основаниям[1].

В обоих случаях применения общественных работ выполняемая осужденным работа является бесплатной, должна иметь общественно полезный характер и не должна преследовать экономических целей (прибыль) в качестве главных, определяющих. Необходимо отметить, что все вышеуказанные требования законодательно предусмотрены только для общественных работ, назначаемых взамен лишения свободы, но на практике применяются и при иных способах назначения общественных работ. Объектами выполнения работ являются, как правило, больницы, дома престарелых, иные социальные учреждения[2].

Из описанных выше двух возможностей назначения общественных работ достаточно широкое распространение имеет последняя, а применение их в качестве обязанности при условном осуждении и условно-досрочном освобождении используется весьма редко. Это происходит по нескольким причинам, основной из которых является проблема принудительного труда в свете конституционного его запрета в Германии. На практике устоялось мнение, что отмеченная возможность применения общественных работ не очень-то хорошо «состыкуется» с указанным выше запретом, и поэтому суды стараются избегать использования

---

[1] См. об этом: Strafgesetzbuch: aktualisierte Aufl. dieser Ausg., Stand: 13. August 1997. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.

[2] Strafgesetzbuch: mit Erläuterungen. S. 321.

этой возможности. В случае же назначения общественных работ вместо лишения свободы, когда осужденный не внес предписанной ему судом суммы штрафа, считается, что нарушения данного конституционного принципа не происходит, поскольку, во-первых, в противном случае осужденный лишится свободы, во-вторых, при подобной замене суд выясняет желание виновного на применение подобной меры.

Применительно к несовершеннолетним преступникам система санкций, предусмотренная немецким уголовным правом, весьма разнообразна. Одной из наиболее характерных ее черт является ориентированность на применение наказаний, связанных с лишением свободы, к лицам, не достигшим 21 года, лишь в исключительных случаях, как правило, когда иные меры уже не способны оказать должного воздействия и у лица имеется явная установка на совершение преступлений (то есть исчерпаны или недопустимы возможности избежания этого)[1]. По статистике лишение свободы применяется не более чем к 2 % несовершеннолетних преступников.

Все санкции для несовершеннолетних условно можно подразделить на формальные и неформальные (диверсионные). Первые назначаются и исполняются по приговору суда после общепринятого порядка рассмотрения дела, являясь формальной реакцией государства на совершенное правонарушение. Вторые связаны с освобождением лица от официального уголовного преследования (формального процесса) до вынесения окончательного решения по делу судом и рассматриваются как освобождение виновного от наказания в виде лишения свободы. При этом последний способ разрешения уголовных дел имеет достаточно широкое распространение (в среднем до 70 % дел заканчиваются подобным образом и наблюдается постоянный рост его применения с 1981 г. практически во всех землях).

Система формального реагирования на несовершеннолетних правонарушителей является трехзвенной и состоит из трех групп санкций:

– уголовного наказания (для несовершеннолетних предусмотрено только лишение свободы на определенный срок);

– воспитательно-дисциплинарных мероприятий, взысканий (Erziehungsmaßregeln);

– дисциплинарных мер, средств дисциплинарного воздействия (Zuchmittel).

---

[1] См. об этом: Entwicklungstendenzen und Reformstrategien im Jugendstrafrecht im europäischen Vergleich / Frider Dünkel... (Hrsg.). Mönchengladbach: Forum-Verl. Godesberg, 1997. S. 25.

Одной из разновидностей воспитательно-дисциплинарных мероприятий, наряду с оказанием воспитательной помощи и воспитательными центрами (§ 12 Закона о суде несовершеннолетних), являются указания (Weisungen), предусмотренные § 10 Закона о суде несовершеннолетних. Среди обширного перечня возможных разновидностей указаний, таких, например, как социальные тренинги, указания о проведении свободного времени, о получении работы, образования и пр., предусмотрены и указания о выполнении общественных работ (Arbeitsleistungen, называемые в литературе Arbeitsweisungen). Это одна из самых старых мер, которая появилась еще в 1970-х гг.[1]

В 1990 г. изменения Закона о суде несовершеннолетних ввели наряду с указанной выше еще одну возможность использования санкции в виде общественных работ. Данный закон предусматривает три вида дисциплинарных мер: предупреждение (§ 14), обязанности (§ 15) и арест для несовершеннолетних (§ 16). В перечень обязанностей по компенсации, уплате штрафа, принесению извинения была также включена и обязанность по выполнению общественных работ (Arbeitsleistungen, называемые – Arbeitsauflagen).

Эти изменения породили в юридической литературе многочисленные дискуссии[2]. По мнению целого ряда немецких исследователей, данное расширение перечня обязанностей за счет введения общественных работ еще более стерло и так весьма размытые границы между дисциплинарными мерами и воспитательно-дисциплинарными мероприятиями. Подобное дублирование было вызвано практической необходимостью, которая объяснялась тем, что общественные работы в качестве указаний применялись не так активно, как того хотелось. Во-первых, иные виды указаний у судей пользовались большей популярностью, во-вторых, их назначение осложнялось тем, что практика пошла по тому пути, когда суд мог применить данную меру лишь в случае, если имелась необходимость в оказании воспитательного воздействия и осужденный выражал свое желание на это (то есть исходил из его отношения к назначению данной меры, фактически получая согласие), что происходило редко, и, в-третьих, при организации исполнения необходимо было акцентировать внимание на воспитательной стороне. Общепризнанным считается, что в законодательном закреплении данной обязанности имелась

---

[1] Jugendstrafrecht: ein Studienbuch / von *Peter-Alexis Albrecht*. 2., erw. und erg. Aufl. München: Beck, 2001.

[2] См. об этом: Arbeitsweisungen und Arbeitsauflagen im Jugendstrafrecht: Differenzierungsansätze in der Theorie und Praxis im Rhein-Neckar-Kreis / Heike Kremerskothen. Herbolzheim: Centaurus-Verl.-GmbH & Co. KG, 2001. S. 13.

большая практическая необходимость и основной целью введения общественных работ дополнительно, как обязанностей, являлось расширение системы действенных мер реагирования на преступления несовершеннолетних[1].

В немецкой юридической литературе высказываются различные позиции относительно того, имеются ли какие-либо различия между общественными работами как указаниями и как обязанностями. Ряд авторов считают, что, несмотря на многие схожие моменты, отличия все же имеются. Как правило, в обоснование своей позиции они приводят следующие доводы: указания прежде всего ориентированы на воспитательные цели (в них более существенна воспитательная сторона), а обязанности могут иметь и карательный характер.

Другие исследователи придерживаются той точки зрения, что поскольку законодательно не предусмотрено никаких различий в порядке применения и исполнения данных мер, то их различие – «искусственное», а следовательно, придумывать какие-либо размытые и слабо обоснованные критерии нет необходимости. Большинство сторонников подобного подхода ратуют за «объединение» не только данных мер, но и дисциплинарных мер и воспитательно-дисциплинарных мероприятий.

На практике применение общественных работ по отмеченным выше основаниям пользуется достаточной популярностью и в некоторых землях достигает 40 %. Причем наиболее распространенным является назначение, конечно же, общественных работ в качестве обязанностей, а не указаний.

Общественные работы, помимо этого, могут быть назначены и в качестве диверсионных санкций. Так, § 45 Закона о суде несовершеннолетних предоставляет возможность суду прекратить дело с назначением определенного количества часов общественных работ в качестве обязанностей или указаний по инициативе прокуратуры. Также суд может применить общественные работы в качестве диверсионной санкции и по собственной инициативе уже на стадии рассмотрения дела на основании § 47 данного закона.

Вопросы исполнения данной меры решаются следующим образом. Если общественные работы применены к взрослому осужденному, то обязанности по исполнению (прежде всего трудоустройство и контроль за ходом выполнения) возлагаются либо на службу социальных работников при суде (определенный аналог службы пробации), либо на социальных работников при прокуратуре. Помимо этого, существует достаточно большое количество неправительственных общественных органи-

[1] Arbeitsweisungen und Arbeitsauflagen im Jugendstrafrecht. S. 14.

заций, которые берут на себя обязанности по исполнению данных мер. Что касается несовершеннолетних, то исполнением назначенных им общественных работ занимаются либо сотрудники службы по контролю за несовершеннолетними, либо также неправительственные общественные организации.

Что касается срока работ, который может быть назначен виновному, то это не регламентировано на законодательном уровне. Потенциально срок может быть любым, что многие немецкие юристы считают законодательным пробелом. Но на практике в ряде случаев имеются определенные устоявшиеся критерии. Так, при назначении общественных работ в качестве наказания, заменяющего лишение свободы лицу, не заплатившему штраф, при определении срока работ суд исходит из размера штрафа (количество штрафодней, дневных ставок) и, как правило, пропорционально высчитывает необходимое для отработки количество часов. Применительно к несовершеннолетним осужденным имеется соответствующее решение Конституционного суда о том, что назначение общественных работ сроком более чем на 500 часов является неправомерным (решения Конституционного суда в Германии имеют огромное значение, нередко заменяя нормы закона).

Вопрос принудительного труда применительно к несовершеннолетним имеет также свою специфику. Если данная мера назначается в качестве указаний, считается, что поскольку указания имеют воспитательный характер и не имеют тех унижающих черт, которыми обладают принудительные работы, то нарушения запрета принудительного труда не происходит (по данному поводу также имеется соответствующее решение Конституционного суда). Тем более что они расцениваются как замена грозящему в ином случае лишению свободы. В отношении общественных работ, применяемых в качестве обязанности, какие-либо подобные разъяснения отсутствуют. Между тем их используют более активно, нежели указания, и никто по этому поводу не высказывает каких-либо возражений. Причем так же, как и при назначении общественных работ взрослым осужденным при условном осуждении и условно-досрочном освобождении, никакого согласия у виновного не спрашивается.

Применительно к несовершеннолетним осужденным законодательно не регламентированы возможность привлечения к работам лишь в свободное от основной работы или учебы время, бесплатность выполняемых работ и обязательное отсутствие в них дискриминационного характера. На практике же эти пробелы устраняются путем применения к ним по аналогии положений, регламентирующих данные вопросы по отношению к взрослым.

Таким образом, германский законодатель более гибко подходит к общественным работам, допуская существование данной меры в различных формах. Представляется, что действующему российскому законодательству следовало бы учесть отмеченный положительный опыт и предусмотреть обязательные работы не только в качестве основного наказания, но и как обеспечительное наказание штрафу в случае его неуплаты при так называемых «извинительных обстоятельствах» (потеря работы, утрата имущества и т.п.), и как обязанность при условном осуждении, а также в качестве одной из принудительных мер воспитательного воздействия, назначаемых несовершеннолетним преступникам (в том числе и во внесудебном порядке). Кроме этого, стоило бы позаимствовать ряд иных устоявшихся в германской практике моментов, касающихся прежде всего «истинной» бесплатности выполняемых осужденным работ и широкого привлечения общественности к исполнению данных мер.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АННУЛИРОВАНИЯ СУДИМОСТИ

Т.Г. Черненко

Судимость – это уголовно-правовое состояние, созданное для лица фактом осуждения его за совершенное преступление. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в силу до момента погашения и снятия судимости, в ч. 2 ст. 86 УК РФ отмечается, что лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Это положение закона неоднозначно воспринимается и в теории уголовного права, и в правоприменительной деятельности, что обусловлено отсутствием в ч. 2 ст. 86 УК РФ каких-либо указаний относительно видов освобождения осужденного от наказания, влекущих признание его несудимым.

Рассмотрим некоторые виды освобождения от наказания во взаимосвязи с судимостью.

1. Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда

При этом виде освобождения от наказания течение срока судимости начинается с момента вступления приговора суда в законную силу и завершается с истечением сроков давности исполнения приговора. Сроки судимости при этом больше, чем предусмотренные ч. 3 ст. 86 УК РФ. По мнению В.П. Малкова, при истечении сроков давности обвинительного приговора суда лицо следует считать несудимым со дня вступления в законную силу постановления судьи об освобождении его от наказания на основании ст. 83 УК РФ[1]. Данная позиция вызывает возражения. Факт истечения сроков давности обвинительного приговора в отношении конкретного лица может быть установлен через значительный промежуток времени после истечения давностных сроков. Почему же лицо должно считаться судимым, если предусмотренные законом сроки

[1] См.: *Малков В.* Освобождение от наказания как основание аннулирования судимости //Уголовное право. 2001. № 3. С. 26.

давности истекли? С истечением срока давности заканчивается уголовное правоотношение, и, следовательно, лицо не должно признаваться судимым.

2. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания

Ряд вопросов вызывают положения ст. 86 УК РФ, касающиеся исчисления судимости у лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания. Часть 4 ст. 86 УК РФ гласит: если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания... то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания. Недоумение вызывает фраза "из фактически отбытого срока наказания", ибо сам законодатель сроки погашения судимости увязал с видами наказания (лишение свободы или более мягкие наказания) и с категориями преступлений. А от фактически отбытого срока наказания категория преступления не меняется.

В литературе было высказано мнение, в соответствии с которым при условно-досрочном освобождении лицо не имеет судимости по истечении испытательного срока, коим является неотбытая часть наказания[1]. Однако анализ ст. 86 УК РФ не позволяет сделать столь однозначный вывод.

Думается, что в ст. 86 УК РФ должны быть более четко сформулированы положения, касающиеся аннулирования судимости у условно-досрочно освобожденных. На наш взгляд, при условно-досрочном освобождении должны применяться сроки погашения судимости, установленные ч. 3 ст. 86 УК РФ, которые следует исчислять, как указал законодатель, с момента освобождения лица от реального отбывания наказания. Однако законом следует предусмотреть положение следующего плана: если неотбытая часть наказания превышает сроки, указанные в ч. 3 ст. 86 УК РФ, то лицо считается судимым до истечения периода, равного неотбытой части наказания.

3. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей

В соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо

---

[1] См., например: *Иногамова-Хегай Л.В.* Конкуренция норм уголовного права. М., 1999 С. 256--257; *Ткачевский Ю.* Судимость //Уголовное право. 2000. № 3. С. 39.

тяжкие преступления против личности, суд может отсрочить отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. В ст. 86 УК РФ ничего не говорится о погашении судимости у указанных женщин, в литературе же предлагаются неоднозначные решения данного вопроса. Так, по мнению В.П. Малкова, если к женщине сразу после осуждения была применена отсрочка, в связи с чем она не отбывала наказание, то женщина должна считаться не имеющей судимости при освобождении ее от отбывании наказания по истечении периода отсрочки (в порядке ч. 3 ст. 82 УК РФ). В тех же случаях, когда отсрочка отбывания наказания была применена к женщине во время отбывания наказания (после отбытия его части), после освобождения от наказания по окончании отсрочки женщину, считает В.П. Малков, следует считать имеющей судимость, которая должна погашаться по правилам, предусмотренным ч. 3 ст. 86 УК РФ, так как во время отсрочки отбывания наказания срок, необходимый для погашения судимости, не течет[1]. Такое решение вопроса о погашении судимости у женщин, к которым была применена отсрочка отбывания наказания, представляется несправедливым. Женщины ставятся в неравное положение только потому, что основания применения отсрочки у них появились в разное время (во втором случае женщина будет считаться судимой до достижения ребенком четырнадцати лет, а после этого – пока не истекут сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УК РФ).

По своей юридической природе отсрочка отбывания наказания весьма близка к условному осуждению. При условном же осуждении лицо считается несудимым по истечении испытательного срока. Представляется обоснованным вывод, что при отсрочке отбывания наказания женщинами срок судимости должен быть равен сроку отсрочки (если женщина по окончании отсрочки освобождается от отбывания наказания)[2]. Однако указанное положение должно быть закреплено на законодательном уровне.

---

[1] См.: *Малков В.* Указ. раб. С. 27.

[2] См.: *Ткачевский Ю.* Указ. раб. С. 39.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ СВОИХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Л.Ю. Бортник

В теории уголовно-исполнительного права, законодательстве и практике исполнения наказания не подвергается сомнению, что специальный правовой статус осужденных к лишению свободы базируется на общем статусе граждан России.

Общеправовой статус гражданина многообразен. Он определяется Конституцией РФ, законом и подзаконными нормативными актами общеотраслевого характера. В значительной части они регулируют имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, в том числе и отношения по осуществлению предпринимательской деятельности.

Статья 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ определяет, что «при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ».

Коренное обновление общеотраслевого (и прежде всего гражданского) законодательства, реформирование правовых основ исполнения наказания (УИК РФ), изменение социально-экономической сущности ряда гражданских прав, стремление максимально реализовать в законодательстве и практике требования общепризнанных международных норм побуждают вновь обратиться к проблеме реализации гражданских прав осужденных к лишению свободы.

О значимости этих проблем говорит принятие не только нового законодательства, но и наличие в нем ряда пробелов и противоречий, касающихся лиц, лишенных свободы.

Общеизвестно, что большинство прав, которых осужденный не лишен как гражданин, он вынужден (в силу изоляции, вытекающей из факта нахождения в местах лишения свободы) реализовывать в особом порядке, то есть не лично, а пользуясь услугами представителя (адвоката, родственника, иных доверенных лиц). Эти услуги, согласно действующему законодательству, оформляются через доверенность (ст. 182,

185 ГК РФ). Такое положение существенно сужает возможность реализации и защиты осужденными отдельных имущественных прав. Остановимся на этом подробнее.

Услуги представителя в большинстве случаев весьма дорогостоящи и доступны далеко не всем осужденным. В результате этого осужденные ставятся в неравное положение по отношению к другим гражданам, находящимся на свободе.

Хотя функция обеспечения трудовой занятости возложена на администрацию исправительных учреждений (ст. 103 УИК РФ), нынешнее состояние в экономике страны в целом и в УИС в частности не позволяет обеспечить работой всех осужденных, отбывающих лишение свободы. Отсутствие работы для осужденных приводит к отсутствию средств на их лицевых счетах (а у многих нет иных источников поступления).

В итоге складывается ситуация, когда то или иное право у осужденного есть (например, на распоряжение имуществом вне ИУ, вступление в право наследования), но фактически реализовывать он его не может. Хотя еще в теории советского исправительно-трудового права отмечалось, что такое положение недопустимо и что ограничения в реализации каких-либо прав должны быть установлены на законодательном уровне[1]. Ранее это ограничение относили к «вытекающим из режима отбывания лишения свободы». Теперь такого вида ограничений правового статуса осужденных нет. Отсюда возникает необходимость разрешения данной проблемы.

Кроме того, сегодня, даже имея возможность выезда за пределы исправительных учреждений (например, на период краткосрочного отпуска), осужденные лишены возможности личными действиями реализовывать свои имущественные права, поскольку на период выезда паспорт им не выдается. Если разрешить на законодательном уровне выдачу паспорта осужденному на период выезда (если он имеется в личном деле), то, как представляется, это может привести к увеличению количества лиц, которые не возвращаются из таких выездов, поскольку, у многих осужденных выдача паспорта будет ассоциироваться с полным освобождением. Также велика вероятность, что осужденные, находясь за пределами учреждения, могут его продать, потерять и т.д. Поэтому в настоящее время вряд ли целесообразно это делать.

На наш взгляд, для разрешения данной ситуации целесообразно рассмотреть возможность наделения сотрудников исправительных учреждений соответствующими полномочиями для представительства осуж-

---

[1] *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права: Проблемы Общей части. М.: Юрид. лит.,1984. С.183.

денных в случаях, указанных в законе (или при отсутствии у них родственников и средств на лицевых счетах), либо о привлечении адвокатов, иных представителей за счет уголовно-исполнительной системы или государства. Учитывая, что второй вариант требует финансовых затрат, предпочтительным, видимо, будет первый вариант, но для его реализации необходимо внесение изменений в действующее гражданско-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.

В частности, п. 20 ст. 14 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» изложить в следующей редакции: «...обращаться в суд за защитой своих законных прав и интересов, а также прав и законных интересов осужденных к лишению свободы».

В аспекте рассматриваемых проблем также важен вопрос о реализации осужденными к лишению свободы своих жилищных прав. Он относится к предмету ведения жилищного и гражданского законодательства, однако практика применения указанных норм в области исполнения наказания вызывает целый ряд вопросов.

В ст.7 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» определяется, что снятие гражданина Российской Федерации с регистрационного учета по месту жительства производится органом регистрационного учета, в том числе и в случае осуждения его к лишению свободы, на основании вступившего в законную силу приговора суда. Это фактически отражается на жилищных правах осужденных, при условии, что данное жилое помещение не принадлежит осужденному на праве собственности. В случае занятия жилого помещения на основании договора социального найма, в котором осужденный является нанимателем, после его осуждения и снятия с регистрационного учета нанимателем становится кто-либо из совершеннолетних членов семьи выбывшего – по соглашению между ними (см. ст. 88 ЖК РСФСР). Если же выбывший наниматель проживал один, то договор социального найма прекращает действие и после освобождения осужденный практически не может возвратиться в ранее занимаемое жилое помещение, кроме как через обращение в суд.

Постановлением Конституционного Суда РФ его от 23 июня 1995 г. «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Ващука» были признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч. 1 и п. 8 ст. 60 ЖК РСФСР. Как указал Конституционный Суд, временное отсутствие

гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи) само по себе не может быть основанием лишения права пользования жилым помещением.

Как отмечает С. Сонин, "следует признать, что жилищное законодательство не дает ясного ответа на вопрос о правовых последствиях смены гражданином своего места жительства. Это приводит к тому, что при сходных с юридической точки зрения обстоятельствах дела разрешаются судами по-разному, что влечет для лиц, участвующих в деле, совершенно разные правовые последствия"[1].

Правильным представляется решение, применяемое при регистрации в Москве и Московской области: «Регистрация по месту жительства бывших жителей Москвы и Московской области, освободившихся из мест лишения свободы по отбытии наказания, производится на жилую площадь лиц, с которыми они проживали до осуждения, а также к родственникам или на предоставленную в установленном порядке жилую площадь независимо от размеров жилой площади»[2].

Однако в ст. 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» сказано: «Регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации, Конституциями и законами республик в составе Российской Федерации».

Из этой нормы вытекает, что отношения, связанные с регистрацией места жительства и места пребывания, носят административно-правовой, а не гражданско-правовой характер и не могут отражаться на отношениях, регулируемых другими отраслями законодательства, в частности жилищным законодательством.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1998 г. отмечается: «Механизм использования такого правового средства, как регистрация, не должен служить целям, не совместимым с ее уведомительным характером, поскольку иное приводит к чрезмерному ограни-

---

[1] *Сонин С.* Споры о расторжении договора социального найма жилья // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 25–27.

[2] Постановление Правительства Москвы и Московской области от 30 марта 1999 г. № 241–28 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в Москве и Московской области». П. 3.5.

чению прав и свобод граждан в области гражданских, жилищных, семейных и иных правоотношений»[1].

Также неурегулированным остается вопрос о том, чем является для осужденных к лишению свободы исправительное учреждение – местом жительства или местом пребывания? В ст. 2 вышеназванного закона, где дается определение указанных мест, о местах лишения свободы не сказано ничего. Решение же этого вопроса представляется достаточно важным, поскольку если признать, что место лишения свободы является для осужденных местом пребывания, тогда необходимо руководствоваться п. 2.5 «Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»[2], в котором сказано, что регистрация граждан по месту пребывания в жилых помещениях, не являющихся их местом жительства, осуществляется без снятия их с регистрационного учета по месту жительства. Применение этого правила к осужденным позволило бы им в полном объеме сохранять свои жилищные права в период отбывания лишения свободы.

Для более полной реализации осужденными к лишению свободы своих жилищных прав предлагается ст. 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«Место пребывания – гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, больница, исправительное учреждение – для лиц, отбывающих срочное лишение свободы, другое подобное учреждение, а также жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина, в которых он проживает временно».

Место жительства – жилой дом, квартира, служебное жилое помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница-приют, дом маневренного фонда, специальный дом для одиноких престарелых, дом-интернат для инвалидов, ветеранов, исправительное учреждение – для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, и другие), а также иное жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02. 1998 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12, 21 Правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.07. 1995 г. № 713 // Собрание законодательства. 1998. № 6.

[2] Утверждены Приказом МВД РФ от 23 октября 1995 г. № 393 (в ред. Приказов МВД РФ от 15.04. 96 г. № 202, от 15.09. 97 г. № 600, от 30. 06. 98 г. № 394).

(поднайма), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Таким образом, изучение указанных и иных аналогичных проблем, в сущности, находится «на стыке» гражданского, жилищного и уголовно-исполнительного права. Однако это не должно препятствовать постановке и освещению названных вопросов в пенитенциарной науке в той их части, в которой в уголовно-исполнительном законодательстве и подзаконных нормативных актах отражена специфика (пределы, порядок) реализации гражданских прав осужденными к лишению свободы. С учетом вышесказанного возникает необходимость решения вопроса о внесении изменений в действующее законодательство, часть из которых предложена в данной статье.

О ПОВЫШЕНИИ ТРУДОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Н.И. Ланкин

1. Проблема повышения трудовой и общественной активности осужденных привлекала пристальное внимание А.Л. Ременсона на протяжении, по крайней мере, последних десяти лет его жизни. Столь пристальное внимание к исследованию этой проблемы, скорее всего, можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, она неизбежно вытекала из его основополагающей идеи о соединении наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, применяемыми в целях исправления осужденных и включения их в трудовую жизнь после отбытия наказания. Во-вторых, постоянно ощущалось неистребимое желание А.Л. Ременсона не только досконально проанализировать теоретические аспекты этой проблемы, но и реализовать их на практике.

2. Проблема повышения трудовой и общественной активности осужденных не такая простая, какой она может показаться на первый взгляд. Ее практическая реализация предполагала, с одной стороны, решение целого ряда экономических задач, связанных с совершенствованием организации и оплаты труда осужденных, с обеспечением их полной трудовой занятости, с бесперебойным снабжением рабочих мест необходимым сырьем, материалами, инструментами и т.д. С другой стороны, требовалось последовательное решение комплекса специфических задач, как-то:

– углубленное изучение личности осужденных, выявление не только отрицательных, но и положительных качеств, анализ их межличностных отношений;

– расширение правовых и организационных форм вовлечения осужденных в управление производственными делами, в активную общественно-полезную деятельность;

– совершенствование системы материального и морального стимулирования труда осужденных, системы взысканий и поощрений;

– коренное улучшение подготовки и переподготовки персонала исправительных учреждений, который должен обладать комплексом юри-

дических, педагогических, психологических, управленческих и экономических знаний и умений.

3. В 1976 г. от имени коллектива научных сотрудников кафедры и проблемной лаборатории в адрес МВД СССР было внесено предложение о проведении в текущей пятилетке на базе исправительных учреждений Томской, Новосибирской и Кемеровской областей серии экспериментов:

1) эксперимент по развитию трудовой и общественной активности осужденных путем существенного расширения их прав и возможностей участвовать в управлении производством;

2) эксперимент по совершенствованию материального стимулирования труда осужденных;

3) экспериментальное апробирование отдельных предложений:

– о предоставлении осужденным, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, трудовых отпусков с проведением их как в исправительном учреждении (первый вариант), так и вне его (второй вариант);

– о включении осужденным в общий трудовой стаж времени добросовестной работы в исправительном учреждении;

– о временном содержании в специальной локально-профилактической зоне злостных нарушителей режима;

– о зачетных аттестациях осужденных, подпадающих под условно-досрочное освобождение[1].

4. В ходе эксперимента апробировались прежде всего экономические методы воздействия на поведение осужденных и их отношение к труду. Мы исходили из того, что отношение человека к труду формируется в первую очередь теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства и распределение. Вот почему за основу были взяты бригадные формы организации и оплаты труда, в которых осужденные должны были работать по единому наряду и распределять свой заработок по конечным результатам работы бригады с учетом коэффициента трудового участия (КТУ).

Проведенный эксперимент и последующая практика убедительно доказали, что производственная бригада является наиболее оптимальной формой участия осужденных в управлении производственными делами как непосредственно, так и через совет бригады, который они же сами и избирали. На уровне бригады наиболее отчетливо проявляется

[1] См.: *Зубков А.И., Ланкин Н.И., Ременсон А.Л.* Нужна экспериментальная проверка // Предупреждение рецидивной преступности. Томск, 1978. С. 3–27.

взаимосвязь личных и общественных интересов, направленных на совершенствование производства, улучшение качества выпускаемой продукции, повышение профессионального уровня, укрепление трудовой дисциплины. Сердцевиной бригадного подряда являлся способ распределения коллективного заработка с применением КТУ. По всем правилам установленный размер КТУ должен отражать личный вклад работника в общие результаты труда бригады и, соответственно, размер его заработка. Однако предстояло решить весьма непростые вопросы: кто может наиболее объективно оценить вклад каждого осужденного в общие результаты работы бригады, как избежать острых конфликтов при определении размера заработка того или иного члена бригады?

Положением о производственной бригаде право устанавливать размеры КТУ закреплялось за советом бригады, состав которого избирался на общем собрании бригады путем открытого голосования из числа членов бригады, добросовестно относящихся к труду, не имеющих грубых нарушений режима, пользующихся заслуженным авторитетом в бригаде. Решение совета бригады приобретало юридическую силу после его утверждения администрацией исправительного учреждения.

Установленный таким образом КТУ не только определял персональный размер заработка осужденных, но и являлся концентрированным показателем их отношения к труду. Эти показатели можно было уверенно использовать при решении широкого круга вопросов, связанных с применением мер поощрений и взысканий, с изменением условий содержания осужденных вплоть до их условно-досрочного освобождения или замены наказания более мягким.

5. Коренные изменения в государственной, общественной и экономической жизни России, получившие закрепление в новой Конституции РФ, неминуемо повлекли за собой и реформирование всей уголовно-исполнительной системы. Переход от тоталитарной, административно-командной модели политико-государственного устройства России к либеральной демократической модели объективно сопряжен с переориентацией в этом же направлении и уголовно-исполнительной системы, предполагающей:

- обеспечение гласности и большей открытости уголовно-исполнительной системы;
- приведение отечественного законодательства в соответствие с международными стандартами;
- гуманизацию условий отбывания наказания;
- отмену необоснованных ограничений, в том числе в условиях труда осужденных и т.д.

Были отменены понижающие коэффициенты в оплате труда осужденных, время привлечения осужденных к оплачиваемому труду стало засчитываться в общий трудовой стаж, осужденные получили право на ежегодный оплачиваемый отпуск, в том числе с выездом на время отпуска за пределы исправительного учреждения, значительно расширялись права осужденных приобретать продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету. Все это создавало хорошую основу для эффективного стимулирования труда осужденных и их правопослушного поведения.

Однако, к большому сожалению, стройная система стимулирования труда осужденных, закрепленная в новом Уголовно-исполнительном кодексе и являющаяся составной частью прогрессивной системы исполнения наказания, оказалась практически невостребованной.

Переход к рыночной экономике, по существу, разрушил производственно-хозяйственный комплекс исправительных учреждений: распалась сложившаяся в течение многих десятилетий кооперация промышленных предприятий исправительных учреждений с предприятиями и организациями других министерств и ведомств, собственное производство исправительных учреждений в силу целого ряда объективных причин стало неконкурентоспособным, большая часть осужденных оказались безработными.

Проблема трудовой занятости осужденных остается и в настоящее время одной из главных и самых острых проблем, стоящих перед уголовно-исполнительной системой.

6. За последние десять лет Правительством России были разработаны и приняты несколько федеральных целевых программ содействия трудовой занятости осужденных к наказанию в виде лишения свободы, однако в силу целого ряда причин, включая скудное финансирование этих программ из госбюджета, эффективность их оказалась крайне низкой.

Для решения проблемы трудовой занятости осужденных требуется иной подход со стороны государства. Необходимо наконец осознать, что предприятия исправительных учреждений в силу своей специфики объективно не могут в условиях рынка на равных конкурировать с обычными предприятиями, поэтому они нуждаются в государственной поддержке, в частности в особом подходе государства к налогообложению предприятий уголовно-исполнительной системы, как это было, например, в годы новой экономической политики, когда в ст. 77 Исправительно-трудового кодекса 1924 г. было прямо записано, что «все работы в местах заключения в целях их развития организуются по принципу

хозяйственного расчета и освобождаются от всех общегосударственных и местных налогов и сборов».

А что происходит сейчас в условиях новой экономической политики? В настоящее время предприятия уголовно-исполнительной системы производят платежи почти по 30 видам федеральных и местных налогов и сборов, которые в общей сумме превышают 1,1 млрд. рублей, а задолженность по этим выплатам, включая начисленные пени и штрафы, составила около 4 млрд. руб. и продолжает расти.

В результате этого практически не обновляются основные фонды предприятий уголовно-исполнительной системы, износ оборудования превысил 70%, многие предприятия убыточны. Заработная плата осужденных (по данным специальной переписи 1999 г.) после всех удержаний у 33,7% составила до 100 рублей, а 61,4% вообще ее не имели. Все это еще раз говорит о необходимости проведения кардинальной реформы действующей системы налогообложения предприятий уголовно-исполнительной системы в направлении дальнейшего освобождения их от непосильного налогового бремени.

Это позволит, во-первых, обеспечить выживаемость предприятий уголовно-исполнительной системы в условиях рынка, во-вторых, ликвидировать безработицу в местах лишения свободы, в-третьих, значительно сократить потребность уголовно-исполнительной системы в бюджетном финансировании и, наконец, обеспечить нормальное функционирование прогрессивной системы, направленной на достижение целей наказания.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЩЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РОССИИ

С.А. Щеглаков

Под обращением в целом следует понимать направление жалоб, заявлений и предложений в различные инстанции, связанные с нарушением прав, свобод и законных интересов граждан. Правовой основой обращений граждан Украины и России являются их конституции, что является основополагающей гарантией правовой защиты нарушенных прав. Процедурный порядок обращения осужденных должен быть закреплен в соответствующих отраслях права.

В Российской Федерации исправительно-трудовое право трансформировалось в уголовно-исполнительное, что выразилось в принятии нового Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ) который видоизменил и институт обращений осужденных. На Украине же пока действует Исправительно-трудовой кодекс (далее ИТК), который был принят в 1970 г. с многочисленными поправками.

Право на обращение осужденных, лишенных свободы, в российском УИК зафиксировано в ст. 12, 15 и 91.

Так, в ч. 4 ст.12 УИК РФ дается перечень инстанций, куда может обратиться осужденный. Это администрация учреждений или органов, исполняющих уголовные наказания; вышестоящие органы управления УИС; суд; органы прокуратуры; органы государственной власти; органы местного самоуправления; общественные объединения; межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты осужденных. Ст. 91 УИК РФ дополняет этот перечень уполномоченным по правам человека в РФ.

В ИТК Украины право на обращение осужденных регламентировано ст. 44. Она предусматривает направление предложений, заявлений и жалоб осужденных в такие инстанции, как: государственные органы; общественные организации; прокурор; должностные лица. Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений дополня-

ет этот перечень уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека.

Как видно, круг инстанций, куда может обратиться осужденный на Украине, несколько ограничен по сравнению с российскими осужденными.

Кроме того, диспозиция ст. 44 ИТК Украины содержит бланкетные нормы и отсылает правоприменителя к Правилам внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания.

Ст. 15 УИК РФ регламентирует порядок рассмотрения обращения осужденных, а Правила внутреннего распорядка исправительных учреждениях УИС Минюста России контролируют процедуру обращений. В ч. 1. ст. 15 УИК РФ указано, что осужденные могут обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами по вопросам, связанным с нарушением их прав и законных интересов. Это дает российским осужденным относительно широкую возможность отстаивать свои права и законные интересы.

В исправительно-трудовом законодательстве Украины основания обращения осужденных раскрываются иначе. Они заключаются согласно п. 33.2 Правил внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений в «направлении адресатам предложения, заявления и жалобы по вопросам получения посылок (передач), предоставления свиданий, телефонных разговоров, медицинской помощи, обеспечении вещевым имуществам».

В ч. 4 ст. 15 УИК РФ сказано, что обращения осужденных в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений и органов, исполняющие уголовные наказания, цензуре не подлежат. Перечень органов, имеющих право контролировать исправительные учреждения, предусмотрен в ст. 19–23 УИК РФ, а ч. 2. ст. 91 УИК РФ включает в этот перечень и уполномоченного по правам человека в РФ.

В ч. 2. ст. 44 ИТК Украины и п. 33.4 Правил внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений круг инстанций, обращения в которые не подлежат цензуре, сужен. Цензуре не подлежат обращения только прокурору и уполномоченному Верховной Рады Украины по правам человека.

Сроки отправления администрацией в вышеуказанные инстанции в России и на Украине совпадают. Это должно быть сделано в течение одних суток (за исключением выходных и праздничных дней). Обращения осужденных могут быть письменные и устные.

На Украине обращения осужденных, возникшие по вопросам условий отбывания лишения свободы (п. 33.2 Правил внутреннего распорядка), рассматриваются администрацией учреждения, где отбывает

наказание осужденный, не ожидая результатов их рассмотрения организациями или должностными лицами, которым они адресованы. Обращения, адресованные государственным и общественным организациям, а также должностным лицам, администрация ИТУ в обязательном порядке сопровождает письмами, в которых излагает свое мнение (п. 33.3 Правил внутреннего распорядка ИТУ). Кроме этого, предложения, заявления и жалобы, содержащие нецензурные или другие недопустимые выражения, адресатам не отправляются, а лица, их подавшие, привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Аналогичный порядок обращения осужденных в России не предусмотрен. На наш взгляд, это оправданно. Иное не дает в полной мере реализовать осужденным их право на защиту нарушенных законных интересов.

В исправительно-трудовом законодательстве Украины не предусмотрен порядок и язык обращения иностранных граждан и лиц без гражданства.

Сроки ответов о результатах рассмотрения предложений, заявлений и жалоб в России и на Украине совпадают – трехдневный срок. Вместе с тем на Украине ответ сообщается осужденным под подпись и приобщается к личному делу осужденного.

В России данная процедура до июля 2002 г. была аналогичной. Но приказ Минюста России от 8 июля 2002 г. внес изменения в Правила внутреннего распорядка. В настоящее время ответ по результатам рассмотрения обращения осужденным под роспись выдается на руки. И только при его отказе хранить ответ у себя отказ приобщается к делу.

В целом следует отметить, что процедура рассмотрения жалоб, заявлений и предложений осужденных в России более демократична, нежели на Украине.

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ИХ СИСТЕМА

В.И. Горобцов

В теории советского исправительно-трудового права аксиомой являлось положение, сформулированное А.Л. Ременсоном, о том, что процесс исполнения наказания, дополненный процессом применения мер исправительно-трудового воздействия, в своей совокупности образует карательно-воспитательный процесс[1]. Принятие уголовно-исполнительного законодательства России, изменение целевых установок наказания, корректировка правовых терминов позволяют определить подобный процесс как карательно-исправительный. Иначе говоря, исполнение наказания и применение исправительного воздействия есть не что иное, как реализация основных средств исправления осужденных. Согласно ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) "основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие". При исполнении такого наказания, как лишение свободы, на первое место выдвигается режим исполнения (отбывания) наказания, посредством которого обеспечивается реализация кары (т.е. того комплекса правоограничений, благодаря которому пребывание осужденного в исправительном учреждении позволяет ему ощутить неблагоприятное воздействие со стороны общества), а также создаются условия для применения других средств исправления осужденных. Можно спорить об иерархии основных средств исправления осужденных к лишению свободы, но думается, что режим – единственное средство, которое распространяется на всех без исключения осужденных, в то время как другие основные средства исправления осуж-

[1] См.: *Ременсон А.Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 18.

денных могут "не работать" или осуществляться далеко не в полном объеме.

Главенствующая роль режима подчеркивается и тем вниманием, которое законодатель уделяет его правовой регламентации. Достаточно сказать, что в отличие от нормативного регулирования исполнения других основных средств исправления осужденных законодатель закрепляет в нормах УИК РФ понятие режима в исправительных учреждениях, его основные требования, средства обеспечения режима, условия отбывания наказания в виде лишения свободы.

Однако следует отметить, что, несмотря на наименование главы 12 УИК РФ – "Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения", законодатель не раскрывает на нормативно-правовом уровне понятие средств обеспечения режима и не закрепляет их систему. Полагаю, что в определенной мере подобный законодательный пробел компенсируется теоретическими разработками этой проблемы.

УИК РФ впервые в отечественном законодательстве об исполнении уголовных наказаний употребляет термин "средства обеспечения режима в исправительных учреждениях". Ранее действовавшему исправительно-трудовому законодательству данный термин был неизвестен. Подобный подход законодателя следует оценить положительно, так как тем самым на нормативно-правовом уровне признается существование данной правовой категории. Так, по утверждению Е.М. Захцера, "для того, чтобы режимные установления были точно реализованы в повседневной жизни колоний, требуется специальный механизм их перевода в поведение субъектов права. Обеспечивать режим – значит добиваться неукоснительного соблюдения всех его элементов, пресекать любые попытки их неправомерной деформации, немедленно восстанавливать нарушенные отношения, принимать меры к недопущению таких фактов в дальнейшем. Одним из важных способов достижения этих задач являются специальные мероприятия, именуемые средствами обеспечения режима"[1].

Попытки определения средств обеспечения режима в исправительных учреждениях в отечественной теории исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права достаточно робки и зачастую сводятся к стремлению сформулировать понятие "средства обеспечения режима" через систему подобных специальных мероприятий или, как

[1] *Захцер Е.М.* Средства обеспечения режима в исправительно-трудовых колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973. С. 5.

отмечал Н.А. Стручков, через "основные компоненты специально-предупредительной деятельности"[1].

На основе анализа правовых норм и высказанных в теории мнений полагаю возможным следующим образом определить понятие "средства обеспечения режима в исправительных учреждениях". Под ними, на мой взгляд, необходимо понимать установленные законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами специальные мероприятия государственно-властного характера, реализуемые администрацией исправительных учреждений, направленные на неуклонное исполнение основных требований режима и его элементов в целях предотвращения, пресечения и восстановления нарушений порядка отбывания лишения свободы. Предлагаемая научная дефиниция отнюдь не претендует на завершенность, однако вполне может быть взята за основу при подготовке соответствующего законопроекта.

В качестве признаков рассматриваемого понятия следует акцентировать внимание на следующих моментах:

- нормативная определенность;
- наличие государственно-властного характера;
- обеспечение принудительным государственным воздействием;
- признание в качестве единственного субъекта их реализации только администрации исправительных учреждений;
- признание специального характера мероприятий, поскольку их предназначение обусловлено необходимостью обеспечения установленного режима содержания осужденных;
- наличие четких целевых установок, направленных на предотвращение, пресечение и восстановление нарушений порядка отбывания наказания;
- реализация в рамках законности.

К сожалению, действующее уголовно-исполнительное законодательство не содержит и нормы, закрепляющей систему средств обеспечения режима в исправительных учреждениях. В литературе же высказаны различные мнения по поводу отнесения тех или иных мероприятий к средствам обеспечения режима. Анализ различных точек зрения по этому вопросу позволяет прийти к выводу, что отдельные ученые либо необоснованно сужают перечень средств обеспечения режима, относя к ним лишь охрану осужденных, надзор за ними, меры взыскания и по-

---

[1] *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части. М.: Юрид. лит., 1985. С. 148.

ощрения, особые меры безопасности (В.С. Прохоров[1], Ф.Т. Кузнецов[2], В.Н. Брызгалов и Н.Е. Макагон[3]), либо, напротив, расширяют круг средств обеспечения режима за счет включения в их число ведомственного, судебного, общественного контроля и прокурорского надзора (Е.М. Захцер[4], Э.А. Говорухин[5]), которые в соответствии с действующим законодательством (ст. 20–23 УИК РФ) выступают в качестве способов обеспечения законности в деятельности органов, исполняющих наказания.

Неоправданным представляется и отнесение к средствам обеспечения режима в исправительных учреждениях воспитательного воздействия или мер убеждения, специально направленных на разъяснение режимных требований (Е.М. Захцер[6], Э.А. Говорухин[7], В.А. Уткин[8]), поскольку подобные мероприятия являются составной частью воспитательной работы как одного из средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

С учетом высказанных замечаний, а также на основании анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих режим в исправительных учреждениях, полагаю необходимым определить следующую систему средств обеспечения режима:

а) охрана осужденных;

б) надзор за осужденными;

в) цензура получаемой и отправляемой осужденными корреспонденции;

г) меры взыскания;

д) меры поощрения;

е) оперативно-розыскные мероприятия;

ж) применение физической силы, специальных средств и оружия (меры безопасности).

---

[1] См.: Исправительно-трудовое право / Под ред. Н.А. Беляева, М.И. Федорова. М.: Юрид. лит., 1971. С. 243.

[2] См.: Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 94–97.

[3] См.: *Брызгалов В.Н., Макагон Н.Е.* Режим в местах лишения свободы. Киев: РИО МВД УССР, 1976. С. 70–113.

[4] См.: *Захцер Е.М.* Указ. соч. С. 7.

[5] См.: *Говорухин Э.А.* Организация режима в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань: РВШ МВД СССР, 1987. С. 30–32.

[6] См.: *Захцер Е.М.* Указ. соч. С. 7.

[7] См.: *Говорухин Э.А.* Указ. соч. С. 32.

[8] См.: *Уткин В.А.* Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть. Томск: ТГУ, 1995. С. 57.

Поэтому представляется целесообразным дополнение главы 12 УИК РФ соответствующей нормой, закрепляющей предложенную систему средств обеспечения режима в исправительных учреждениях. Тем самым указанная глава УИК РФ приобретет логическую завершенность и будет соответствовать своему названию "Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения".

ПОНЯТИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Д.В. Волошин

Статьей 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" (далее – Закон об ОРД) закреплена возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий специально на то уполномоченными государственными органами, их должностными лицами и субъектами оперативно-розыскной деятельности, оказывающими содействие оперативно-розыскным органам (в том числе и на конфиденциальной основе).

Целями использования результатов оперативно-розыскной деятельности Закон об ОРД называет подготовку и проведение следственных и судебных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут выступать самостоятельным основанием и поводом для возбуждения уголовного дела, представляться следователю, органу дознания, прокурору, суду (судье) и использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующего порядок сбора, проверки и оценки доказательств.

В свете приведенной статьи Закона об ОРД высвечивается закономерный вопрос о том, какой же правовой смысл заложил законодатель в понятие "результаты оперативно-розыскной деятельности". К сожалению, сам Закон об ОРД не раскрывает его значение и какого-либо определения на этот счет не дает. Единственное нормативно-правовое закрепленное определение результатов оперативно-розыскной деятельности содержит межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее – Инструкция)[1]. В основных

[1] Приказ ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/226/336/201/286/410/56 "Об утверждении

принципах данное определение совпадает с мнением ряда видных юристов[1], которые указывают, что под результатами оперативно-розыскной деятельности принято понимать фактические данные, полученные оперативными подразделениями субъектов ОРД в порядке, установленном Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности", в которых содержится информация о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступное деяние, скрывшихся от правосудия, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также об обстоятельствах (событиях или действиях), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Также к результатам оперативно-розыскной деятельности, на мой взгляд, стоит отнести фактические данные, полученные оперативными подразделениями органа внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации и органа внешней разведки Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях обеспечения собственной безопасности и при условии выполнения требований, предусмотренных ч. 2 ст. 13 Закона об ОРД. Такие сведения не всегда содержат информацию о признаках преступлений, о лицах, событиях или действиях, указанных в приведенном выше легитимном определении результатов оперативно-розыскной деятельности, а используются, скорее, в качестве информационного обеспечения нормального внутреннего функционирования указанных органов. Однако считаю, что это обстоятельство ни в коей мере не может влиять на возможность для информации, полученной вышеуказанными оперативными подразделениями органов внешней разведки, выступать поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, быть использованными для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также в процессе доказывания по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Таким образом, на законодательном (посредством Закона об ОРД) и межведомственном (посредством Инструкции) уровнях закреплены две

Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд".

[1] См.: Комментарий к Федеральному закону "Об оперативно-розыскной деятельности". с пост. прил. норм. актов. 2-е изд., испр. и доп. / Авт.-сост. *А.Ю. Шумилов*. М., 2000; Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Научно-практический комментарий / Под ред. В. В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 1999, 2002.

основные формы использования данных, полученных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности.

В первом случае, это закрепленная ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД, возможность использование данных, полученных оперативно-розыскным путем (оперативно-розыскной информации), в качестве информационного обеспечения процесса доказывания по уголовным делам для подготовки и осуществления следственных и судебных действий.

Указанная в Законе об ОРД возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве информационного обеспечения при подготовке и проведении следственных действий ничем, кроме соблюдения законности и правил конспирации (нерасшифровка сведений ограниченного распространения, относящихся к государственной тайне, неразглашение личности лица, оказывающего конфиденциальное сотрудничество оперативно-розыскному органу, и т.п.), не ограничивается.

Вторая форма заключается в использовании оперативно-розыскной информации при формировании доказательной базы, т.е. когда полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и представленные оперативно-розыскными органами данные об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, используются в соответствии с процессуальным законом для формирования доказательств.

Данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые планируется использовать при формировании доказательственной базы по уголовным делам, сами по себе доказательствами (по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации – далее УПК РФ) не являются. Чтобы стать таковыми, они должны быть введены в уголовный процесс в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств (ч. 2 ст. 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"), т.е. получить статус доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ.

Одной из разновидностей данной формы применения результатов оперативно-розыскной деятельности является использование фактических данных, полученных оперативно-розыскным путем, в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела. Основаниями к возбуждению уголовного дела в данном случае являются фактические данные, достаточные для обоснованного предположения оперативного работника о совершении деяния, имеющего признаки какого-либо преступления. Наличие признаков преступления раскрывается путем сопоставления обнаруженного деяния с диспозицией соответствую-

щей статьи Уголовного кодекса (квалификация уголовно-наказуемого деяния).

Анализ относящихся к этому вопросу положений Закона об ОРД, УПК РФ, а также практическая деятельность автора в оперативно-розыскном органе приводят к выводу, что именно вторая форма использования оперативно-розыскной информации вызывает наибольшую сложность при применении в практической деятельности со стороны как оперативных работников, так и сотрудников следственных органов, а потому хотелось бы предложить коллегам-юристам (в особенности занимающимся проблемами уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, криминалистам) уделять данной проблематике более пристальное внимание.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

В.В. Разбирин

С переходом экономики России в 90-х гг. XX в. с планового развития на рыночные отношения произошли изменения в общественно-политической системе, начался процесс реформирования уголовно-исполнительной системы России. С введением (1 июля 1997 г.) в силу нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации оперативная обстановка в местах лишения свободы УИС Минюста России существенно изменилась к лучшему: прекратились такие опасные преступления, как захваты осужденными заложников из числа персонала учреждений, массовые беспорядки, наметилось устойчивое сокращение преступности, сократилось число убийств и других опасных преступлений. Улучшились условия содержания осужденных, особенно за последние три года.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ, по сравнению с ранее действовавшим ИТК РСФСР, в большей степени учитывает важные международно-правовые стандарты, определяющие правовое положение осужденных.

На фоне позитивных изменений в исправительных колониях в деятельности воспитательных колоний (далее ВК) имеются существенные проблемы, которые особенно обострились в 2003 г.

На территории Российской Федерации функционируют 64 ВК, 13 из которых расположены в Сибирском федеральном округе, что составляет 20,3%. По состоянию на 1 июля 2003 г. в ВК округа отбывали наказание 2 957 осужденных при лимите наполнения 5 613 человек, в том числе 238 осужденных несовершеннолетних женского пола.

Среди несовершеннолетних, отбывающих уголовные наказания в ВК, растет доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, за последние 10 лет количество лиц, осужденных за убийство, выросло с 1,7 до 4,8%, за нанесение тяжкого вреда здоровью – с 2,7 до 4,9%, за разбой – с 8,0 до 10,6%.

В последние годы отмечается значительный рост числа воспитанников до осуждения не работавших и не посещавших школу. Их доля от общего количества отбывающих уголовные наказания составляет 48%, каждый 10-й несовершеннолетний осужденный – сирота или оставшийся без попечения родителей.

Более 25% подростков, поступающих в ВК, имеют дефицит веса в различных стадиях, треть подростков имеют различные отклонения в психическом развитии. Каждый двадцатый признан алкоголиком или наркоманом.

В 2002 г. акт амнистии был применен в отношении несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, более 50% несовершеннолетних воспитанников (наиболее положительная часть) содержащихся в ВК, вследствие исполнения данного документа были освобождены.

В ВК осталась отрицательно настроенная часть осужденных, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, что повлияло на оперативную обстановку в исправительных учреждениях данного вида.

Наряду с этим мы отмечаем, что материально-техническая база ВК находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Общежития для проживания, клубы, столовые, школы, профессиональные училища и другие объекты находятся в запущенном состоянии, требуют текущего ремонта, а в некоторых ВК – капитального ремонта. Так, например, в Нерченской ВК общежития находятся в аварийном состоянии, воспитанники проживают в школе. В Томской ВК необходимы крупные денежные средства для восстановления ВК для содержания несовершеннолетних мужчин и т.д.

Профессиональные училища имеют крайне слабую базу и кадровый состав. Профессии, которым обучают воспитанников, в настоящий момент не конкурентоспособны на рынке труда. В школах недостает учебников и письменных принадлежностей, инвентарь и оборудование устарели.

Кадровый потенциал ВК для работы с осужденными формируется по остаточному принципу. Сотрудники ВК получают денежное довольствие на 500–1000 рублей меньше, чем сотрудники исправительных колоний.

Требует совершенствования воспитательно-методическая работа с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы с учетом времени и обстановки в местах лишения свободы.

Сложившееся положение дел в ВК привело к тому, что с весны 2003 г. в учреждениях данного вида прокатилась волна групповых про-

тивоправных проявлений. В Абаканской ВК имел место групповой отказ от приема пищи несовершеннолетних осужденных, в Канской и Новосибирской ВК – массовое членовредительство осужденных, в Колосовской ВК – массовые беспорядки, в Судской ВК – захват заложника, в Стерлитомакской ВК №1 – массовый побег несовершеннолетних, в результате чего погиб один осужденный. За данный период времени в ВК Российской Федерации допущено 19 преступлений, в том числе 9 побегов. Обстановка в учреждениях данного вида продолжает оставаться сложной.

Надо отметить, что государство постоянно проводит политику, направленную на гуманизацию условий содержания несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ВК, на обеспечение их законных прав и интересов. Так, ФЗ №25 от 9 марта 2001г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» ликвидировано различие в видах режима ВК, принят ряд норм, направленных на улучшение условий содержания несовершеннолетних осужденных. ФЗ № 75 от 11 июня 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в УИК РФ» устранил пробел, имевший место в уголовно-исполнительном законодательстве, по порядку признания несовершеннолетних осужденных злостными нарушителями режима содержания. Данное нововведение активно стало применяться администрацией ВК.

Министерство юстиции России, в ведении которого находятся данные учреждения, также принимает организационные меры, направленные на совершенствование порядка исполнения уголовного наказания в ВК, к числу которых можно отнести начавшийся процесс разделения функции режима и охраны этих учреждений на самостоятельные направления деятельности и ряд других мер.

Необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в ВК Сибирского федерального округа, согласно исследовательским данным, отбывают наказание более 20% лиц, которым исполнилось 18 лет, а в Омской ВК эта цифра составляет 31,5%. Несомненно, норму закона, дающую право оставлять воспитанников, достигших совершеннолетия, в ВК, надо рассматривать как позитивную. Однако, как нам представляется, чрезмерное количество взрослых, отбывающих наказание в ВК на правах несовершеннолетних, имеет негативные моменты. В возрасте 14–16 лет и 18–21 года подростки существенно различаются по физическому и интеллектуальному развитию. У них разные интересы, уровень образования, жизненный опыт, криминогенная запущенность. С учетом

возраста осужденных необходимо применять разные формы и методы в индивидуально-воспитательной работе.

Нам представляется, что законодатель должен ограничить количество лиц старше 18 лет, отбывающих наказание в ВК на правах несовершеннолетних, и этот процент не должен превышать 10–15.

После устранения пробелов в УИК РФ по порядку признания несовершеннолетних осужденных злостными нарушителями, как видим, процесс применения данной нормы начался достаточно активно. Исследования показывают, что еженедельно в ВК Сибирского федерального округа злостными нарушителями признаются от 26 до 36 человек. В ВК Сибирского федерального округа в запираемых помещениях содержатся 94 воспитанника, что составляет 2,5 % от общей их численности. Раньше такие случаи были единичными.

Опыт работы с несовершеннолетними осужденными свидетельствует, что раздельное их содержание в изолированных помещениях в одном учреждении (в строгих условиях, ПФРСИ, дисциплинарном изоляторе, карантине и тому подобных участках) имеет и свои недостатки, а в конечном итоге негативно отражается на воспитательном процессе. В таких местах зреют противодействия администрации, готовятся и совершаются преступления, членовредительство и другие противоправные действия.

Наглядным примером в этом отношении может служить ситуация имевшая место в 2003 г. в Каннской ВК, где в строгих условиях содержалось порядка 30 человек. Ежедневно в этом помещении происходили противоправные проявления: притеснения одними воспитанниками других, членовредительство, неповиновение представителям администрации, избиения более слабых и др. Администрация данной ВК рабочий день начинала и заканчивала решением проблем, складывающихся среди осужденных, содержащихся в строгих условиях. Предпринимаемые меры не давали желаемого результата.

Ситуация нормализовалась после того, как осужденных, содержащихся в строгих условиях, перевели в обычный отряд и стали содержать без изоляции в среде других несовершеннолетних.

Как нам представляется, не является эффективным наказание несовершеннолетних осужденных, водворяемых в дисциплинарный изолятор, если в изоляторе содержится достаточно большая группа лиц, более шести – десяти человек. Несовершеннолетние, содержащиеся в ДИЗО большими группами, поддерживают друг друга морально, такому числу осужденных проще установить связь с осужденными колонии, иметь возможность получать запрещенные предметы. Содержание в дисциплинарном изоляторе осужденных есть фактор, способствующий полу-

чению несовершеннолетними осужденными отрицательного авторитета в своей среде, таким образом «выращиваются» неформальные лидеры, которые затем склоняют других к нарушениям правопорядка и противодействию администрации. Характерным является пример дисциплинарной практики ВК УИН Минюста России по Омской области, где порядка 24% нарушений режима содержания допускается несовершеннолетними в строгих условиях содержания. В августе 2003 г. в карантинном помещении Омской ВК один воспитанник совершил убийство другого. Как было отмечено выше, нам представляется, что в местах изоляции должно содержаться небольшое количество осужденных.

В этой связи актуальным представляется предложение о целесообразности содержания в запираемых помещениях (дисциплинарном изоляторе, строгих условиях содержания) небольших групп нарушителей (до 10 человек – практика показывает, что данное число наиболее эффективно с воспитательной точки зрения) и содержания изолированно, в специальной ВК ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы.

Ограничения по количеству лиц, водворяемых в ДИЗО, можно предусмотреть в ведомственных нормативных актах.

ВК на данном этапе своего развития находятся в кризисной ситуации и нуждаются в том, чтобы решению имеющихся проблем в их деятельности было уделено внимание руководства департаментов и ведомств, в чье ведение они входят, а разработкой воспитательных методик должны заняться ученые – юристы, педагоги, психологи, социальные работники.

ПОДГОТОВКА К ОСВОБОЖДЕНИЮ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Е.Д. Языков

Подготовка подростка к самостоятельной жизни в настоящее время не только продолжительное, но и дорогостоящее мероприятие, а в условиях лишения свободы еще более сложный процесс. Центром подготовки несовершеннолетних осужденных к самостоятельной жизни в условиях воспитательной колонии является отряд, который формируется с целью создания необходимых условий для эффективного комплексного применения к осужденным основных средств исправления[1].

В числе основных задач отряда определены следующие: создание условий для общеобразовательного обучения и профессионального образования осужденных, в том числе по очно-заочной, заочной и дистанционной формам обучения; осуществление социальной работы с осужденными, оказание им помощи в решении вопросов восстановления, поддержания и развития социально полезных связей с родственниками, трудовыми коллективами, общественными и религиозными объединениями и иными организациями; подготовка осужденных к освобождению, содействие их трудовому и бытовому устройству после отбытия наказания и последующей социальной реабилитации.

В данной статье мы рассмотрим, как реализуется выполнение задачи по подготовке осужденных ВК к освобождению.

Подготовка к освобождению в ВК уголовно-исполнительной системы носит многоаспектный характер и реализуется в различных формах. Одной из апробированных форм является организация в воспитательной колонии постоянно действующей школы по подготовке к жизни на свободе[2]. Занятия в «школе» проводятся по специальной программе в форме групповых и индивидуальных бесед. На групповых занятиях изучаются основы правовых знаний (ознакомление с порядком выдачи пас-

---

[1] См. п.1.2. Приказа Минюста России от 25 марта 2003 г. № 69 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения».

[2] Далее «школа».

портов освобождаемым и регистрации по месту жительства, бытового и трудового устройства, поступления в учебные заведения, а также с условиями погашения и снятия судимости и рядом других вопросов, связанных с устройством жизни осужденного после освобождения). Важнейшее значение при подготовке подростка к освобождению имеет психологическая подготовка: снятие тревожности, обусловленной перспективой освобождения, неопределенностью трудового и бытового устройства, возможными проблемами во взаимоотношениях с родными, друзьями, соседями, пострадавшими от преступления и их родственниками и др.

Помимо групповых лекций, бесед и консультаций, с осужденными должна проводиться индивидуальная работа. Так, одним необходимо содействие в налаживании отношений с родителями, другим – помощь в противодействии негативному влиянию ближайшего окружения и т.п. В программу возможно включение различных поведенческих тренингов, посвященных разбору различных жизненных ситуаций, которые могут возникнуть у лиц, освободившихся из ВК. Занятия с осужденными в основном проводятся персоналам воспитательной колонии. Однако представляется целесообразным для более качественного проведения занятий приглашать специалистов из службы занятости населения, руководителей предприятий и организаций, на которых возложено трудоустройство освобожденных от отбывания наказания, представителей учебных заведений, в которых бы могли продолжить обучение воспитанники, для чего следует использовать возможности попечительских советов, создаваемых при каждой воспитательной колонии. В состав попечительских советов входят представители государственных предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и граждан, изъявивших желание работать в попечительском совете и способных по своим деловым и моральным качествам выполнять задачи, стоящие перед попечительским советом. Основными задачами попечительского совета являются: организация шефства над сиротами и лицами, оставшимися без попечения родителей, оказание им финансовой помощи при освобождении; оказание помощи администрации воспитательной колонии в решении вопросов трудового и бытового устройства освобождающихся из воспитательных колоний[1].

Уголовно-исполнительным законодательством РФ, в рамках «прогрессивной системы» отбывания наказаний в воспитательных колониях,

[1] См. п.3-9 постановления Правительства РФ от 13 октября 1997 г. № 1295 «Примерное Положение о попечительском совете при воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы».

предусмотрены льготные условия отбывания наказания (ст. 132 УИК РФ), которые выступают как институт подготовки воспитанников к условно-досрочному освобождению. Воспитанники, находящиеся на льготных условиях отбывания наказания, пользуются значительной системой льгот, способной обеспечить решение вопросов трудового и бытового устройство, и в дальнейшем помочь пройти процесс социальной адаптации менее болезненно. Прежде всего, это возможность, при наличии условий, по постановлению начальника воспитательной колонии проживать за территорией колонии под надзором администрации колонии.

В зависимости от территориального расположения воспитательной колонии и наличия в месте ее дислокации производственных предприятий, строек, сельскохозяйственных объектов и учебных заведений администрация колонии обязана использовать возможность трудоустроить воспитанников на предприятие или предоставить им возможность для поступления в учебные заведения. Такие шаги в значительной степени способствовали бы позитивному решению проблем с трудоустройством, позволяли обрести трудовые навыки в реальных условиях и возможность продолжить процесс обучения.

Проживание в общежитии за пределами воспитательной колонии осужденных, находящихся на льготных условиях отбывания наказания, позволяет приобрести навыки самообслуживания – учиться готовить себе еду, стирать гладить белье, убирать помещение. Важное значение при этом имеет оборудование общежития, где проживают осужденные. Бытовые условия должны быть по возможности приближены к домашним. Помимо этого, возможность, данная Уголовно-исполнительным законом, пользоваться наличными деньгами должна научить подростков планировать расходы рационально и экономно: на следующий день, неделю, месяц.

В целях восстановления, поддержания и развития социально полезных связей с родственниками воспитанникам, отбывающим наказание на льготных условиях, предоставляется право иметь неограниченное количество краткосрочных свиданий.

Еще одной формой подготовки осужденного к освобождению является реализация права на краткосрочный отпуск с выездом к месту предполагаемого проживания после освобождения для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства. Воспитанники должны следовать к месту жительства в сопровождении родственников или иных лиц либо работника исправительного учреждения. Однако именно это положение создает наибольшие проблемы с реализацией данного права, так как родственники не всегда имеют возможность

приехать и сопровождать воспитанника, что может быть связано с тяжелым материальным положением, с тем, что подросток является сиротой или утратил родительское попечительство, родители находятся в местах лишения свободы и др., а откомандирование сотрудников не всегда представляется возможным из-за отсутствия финансирования из федерального бюджета.

Завершающим этапом является момент освобождения воспитанника. Важно то, что лица, освобожденные из воспитательных колоний, в первый момент, оказавшись на свободе, могут рассчитывать на помощь родственников или сотрудников колонии, по крайней мере, при следовании к месту проживания, так как осужденные, подлежащие освобождению из воспитательных колоний, направлятся к месту жительства в сопровождении родственников либо иных лиц. Родственникам либо иным лицам сообщается о дне освобождения несовершеннолетнего осужденного и предлагается прибыть в воспитательную колонию для встречи и сопровождения его к месту жительства. Если у освобождаемого несовершеннолетнего нет родственников или иных лиц либо направление к ним нецелесообразно из педагогических или профилактических соображений, администрация колонии должна направлять запрос в орган опеки и попечительства, подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, образованную органом местного самоуправления, по его прежнему месту жительства с просьбой решить вопрос устройства такого лица на работу или учебу и обеспечения его жилой площадью. Если направление несовершеннолетнего к прежнему месту жительства нецелесообразно из педагогических или профилактических соображений, администрация воспитательной колонии с учетом желания освобождаемого принимает меры к его трудовому и бытовому устройству в других местах, в том числе по месту расположения колонии. В необходимых случаях несовершеннолетний, освобождаемый, в установленном порядке, может быть направлен в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо передан органам опеки и попечительства.

Время нахождения несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии совпадает с одним из сложных периодов социализации личности. Интенсивное развитие личности в этот период характеризуется значительными изменениями в системе потребностей, определяющей дальнейшее поведение несовершеннолетнего. Поэтому особенно важно, чтобы время пребывания в воспитательной колонии не считалось потерянным, а тем более не стало регрессом в процессе развития личности несовершеннолетнего.

В целях контроля за выполнением требований настоящей Инструкции, учета работы по оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобождаемым из мест отбывания лишения свободы, выявления и устранения недостатков исправительные учреждения ежеквартально анализируют результаты проделанной работы, принимают меры по совершенствованию этой деятельности. Результаты анализа для обобщения проделанной работы представляются в территориальный орган УИС.

В исправительных учреждениях анализ проводится по следующим показателям:

- количество лиц, освобождаемых от отбывания наказания из ИУ, из них – нуждающихся в помощи по трудовому и бытовому устройству, в том числе женщин;
- количество освобождаемых лиц, в отношении которых направлены запросы по вопросу их трудового и бытового устройства, из них в органы внутренних дел, службу занятости, другие организации и ведомства;
- количество ответов на запросы о трудовом и бытовом устройстве освобождаемых, из них: положительных, отрицательных;
- количество запросов, на которые ответы не поступили;
- количество лиц, освобождаемых из мест отбывания лишения свободы, в отношении которых направлены повторные запросы по вопросу трудового и бытового устройства;
- количество освобождаемых лиц, которым оказана помощь в трудовом и бытовом устройстве.

При подведении итогов работы по трудовому и бытовому устройству освобождаемых несовершеннолетних осужденных учитывается:

- количество лиц, освобожденных из воспитательной колонии;
- количество лиц, переданных родственникам или иным лицам;
- количество лиц, переданных органам опеки и попечительства;
- количество трудоустроенных несовершеннолетних с обеспечением их жильем;
- количество освободившихся несовершеннолетних, трудоустроенных без обеспечения жильем;
- количество освобожденных, не трудоустроенных и не обеспеченных жильем.

Территориальные органы УИС обобщают поступившую из ИУ информацию о состоянии работы по предварительному решению вопросов трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из мест отбывания лишения свободы, и на основе проведенного анализа разрабатыва-

ют мероприятия по организационному обеспечению комплексного решения данной проблемы.

О результатах работы по предварительному решению вопросов трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из мест отбывания лишения свободы, территориальными органами УИС направляется информация в ГУИН Минюста России по итогам работы за полугодие и год к 15 числу месяца, следующего за отчетным.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОТНЕСЕНИЯ ДЕЯНИЙ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

И.В. Лозинский

В юридической литературе отсутствует единство мнений относительно того, какие именно преступления следует относить к экономическим. Так, М.А. Медведев отметил, что экономические преступления «посягают на экономику как на совокупность производственных, либо экономических, отношений, а также на права, свободы, потребности и интересы участников данных отношений, нарушая тем самым нормальное функционирование хозяйственного механизма и причиняя ущерб указанным социальным ценностям и благам»[1]. А.М. Яковлевым и В.В. Колесниковым было отмечено, что «экономическая преступность представляет собой совокупность корыстных посягательств на собственность, порядок управления экономикой страны, совершаемых лицами, занимающими определенные социальные позиции в структуре экономики и осуществляющими требования связанных с этими позициями социальных ролей»[2].

Таким образом, указанные авторы представляют экономическую преступность в широком смысле, относя при этом к экономическим преступлениям и преступления против собственности. Однако такое отнесение противоречит общепринятому понятию экономики как хозяйства, включающего в себя только определенные отрасли и виды производства. Поэтому отнесение преступлений против собственности к экономическим преступлениям в рассматриваемом случае является ошибочным.

Кроме рассмотренных, в юридической литературе были высказаны и иные точки зрения относительно понятия «экономическая преступ-

---

[1] *Медведев А.М.* Экономические преступления: понятие и система // Государство и право. 1992. № 1. С. 81.

[2] См.: *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1988. С. 9; Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. С. 52.

ность». По мнению И.И. Рогова, экономическая преступность представляет собой «только противозаконную хозяйственную деятельность»[1]. Аналогичную точку зрения высказала и Р.В. Рывкина. Согласно ей все экономические преступления в России в настоящее время следует рассматривать «только как преступления в сфере экономической деятельности, под которыми следует понимать уголовно наказуемые деяния, совершаемые в сфере производства и распределения товаров и услуг»[2]. С.И. Улезько дополняет указанную точку зрения тем, что данные преступления «посягают на общественные отношения, складывающиеся по поводу производства и распределения товаров и услуг»[3]. Таким образом, Р.В. Рывкина и С.И. Улезько «ограничивают» экономическую преступность только преступлениями, совершаемыми в сферах производства и распределения товаров и услуг. Данное ограничение, как и расширение экономической преступности путем включения в нее преступлений против собственности, также является ошибочным, поскольку в предложенные указанными авторами границы экономической преступности оказались не включенными и преступления в сфере финансов. Финансы при этом представляют собой денежные ресурсы, необходимые именно для развития производства. Поэтому к экономическим преступлениям следует отнести и преступления, совершаемые в сфере финансовой деятельности.

В отличие от И.И. Рогова, Р.В. Рывкиной и С.И. Улезько, А.Г. Корчагин определяет экономическую преступность как «сознательное нарушение деловой активности, совершаемое представителями фирмы в ее интересах в ходе предпринимательской деятельности»[4]. Аналогично П.С. Яни определил экономические преступления как «преступления, совершаемые субъектами бизнеса в связи с их предпринимательской деятельностью»[5]. Таким образом, указанные авторы рассматривают экономические преступления только как преступления, совершаемые лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

---

[1] *Рогов И.И.* Экономика и преступность. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 9.

[2] *Рывкина Р.В.* От поверхности до дна – мысль одна: Экономическая преступность в России // ЭКО. 1997. № 7. С. 146.

[3] *Улезько С.И.* Объект преступлений в сфере экономической деятельности. Постановка проблемы // Юрид. вестн. 1998. № 1. С. 70.

[4] *Корчагин А.Г.* Экономическая преступность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 6.

[5] *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес школа «Интел – Синтез», 1997. С. 31.

Аналогичной точки зрения придерживаются и зарубежные авторы, например шведский юрист Бу Свенссон[1]. Одновременно Бу Свенссон в качестве примеров экономических преступлений приводит и «обман налоговых властей, различные валютные преступления, преступления должников, посягательства на патенты и промышленные образцы, а также и пиратское копирование»[2]. В последнем случае автор приводит преступления, которые могут совершаться не только лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, но и любыми другими лицами. Поэтому определение экономической преступности только как «преступности предпринимательской» также является ошибочным. Кроме этого, поскольку Бу Свенссоном в качестве экономических преступлений были выделены и валютные преступления, то к экономическим преступлениям следует отнести и преступления, совершаемые в сфере внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, можно выделить критерий, согласно которому к экономическим преступлениям следует отнести наказуемую в уголовном порядке экономическую деятельность, осуществляемую как в сфере производства товаров и оказания услуг, так и в сфере их потребления, а также и в сферах финансовой и внешнеэкономической деятельности.

---

[1] *Свенссон Бу.* Экономическая преступность / Пер. со швед. Ю.А. Решетова; Под ред. М.А. Могуновой. М.: Прогресс, 1987. С. 24.

[2] Там же. С. 48.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ СВЕРХДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.П. Детков

Процесс изучения личности осужденных, отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы, на протяжении длительного периода привлекал пристальное внимание ученых криминологов, психологов, а также специалистов в области психиатрии. Исходя из опыта отечественной пенитенциарной практики и проведенных исследований, на наш взгляд, длительные сроки лишения свободы могут определяться пределами от 7 до 15 лет, к сверхдлительным следует относить сроки, превышающие 15 лет лишения свободы.

Проведение ряда комплексных психодиагностических обследований лиц, отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы (свыше 20 лет, пожизненное лишение свободы), показывают, что средний возраст осужденных сравнительно высок – свыше 30 лет, ранее они более двух раз судимы, в том числе за насильственные преступления, обладают опытом преступной деятельности, склонны к злоупотреблению алкоголем, употреблению наркотических средств. Психологический портрет среднего осужденного вкратце выглядит следующим образом: по характеру замкнут, погружен в себя, пессимистичен, испытывает трудности в общении и адаптации. Чувствителен, раздражителен, склонен к аффектным реакциям, мнительный, замыкающийся на чувственном восприятии реальности, с пониженным, часто подавленным фоном настроения, с выраженной склонностью к вербальной агрессии.

Уровень интеллекта ниже среднего, мыслительная активность снижена, логическое мышление часто тормозится аффективными переживаниями.

Проявляются робость, неуверенность в себе, заниженная самооценка в сочетании с переоценкой значимости личных «страданий», стремление избежать ответственности, осознания реальности. Склонен потворствовать своим желаниям, ориентирован прежде всего на получение личной выгоды. При этом в определенной мере способен пренебрегать или полностью игнорировать моральные нормы и социальные правила.

Внутренне не дисциплинирован, в поведении часто руководствуется случайными мотивами, влечениями.

В значительной мере это одиночка, а не коллективист. Уровень волевого самоконтроля у таких лиц значительно снижен.

Стремление приспосабливаться к условиям строгой изоляции (свыше 10 лет осужденные данной категории, как правило, отбывают в условиях камерной системы), необходимость постоянного сдерживания и самоконтроля часто вызывают тревожные, нейротические реакции. На фоне хронического стресса и снижения иммунитета медики отмечают высокую заболеваемость данной категории осужденных нервно-психическими, общесоматическими и инфекционными болезнями, причем с нетипичными злокачественными течениями. Около 70 % страдают психическими аномалиями (психопатия, органические поражения нервной системы, остаточные явления травм черепа на фоне алкоголизма или наркомании). В условиях потери жизненных перспектив строгая изоляция углубляет психопатологические процессы, что требует учета динамики патопсихологических изменений личности за длительный период.

На психологические качества личности отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы серьезный отпечаток наложили такие обстоятельства, как характер преступной карьеры, совершенное преступление, сам факт длительного срока лишения свободы, отсутствие каких-либо жизненных перспектив.

Психологическое состояние осужденных значительно меняется на протяжении периода отбывания наказания.

В пенитенциарной психологии обычно выделяют три этапа отбывания наказания в виде лишения свободы: адаптационный, основной и заключительный.

Как показывают наши наблюдения, процесс адаптации осужденного, отбывающего сверхдлительные сроки лишения свободы, длится до года. В этот период практически у большинства лиц отмечаются замкнутость, отрешенность от мира, «уход в себя», на данном этапе осужденные не допускают нарушений режима содержания, более восприимчивы к позитивному воздействию со стороны персонала учреждения, стараются сохранить социальные связи. Адаптационный период заканчивается «приспособлением», которое характеризуется тем, что среди осужденных начинают проявляться неформальные отношения, наблюдается их внутреннее расслоение по формальным и неформальным признакам (в том числе по психологической совместимости, по числу судимостей и т.п.).

По истечении года пребывания в учреждении осужденных по уровню адаптированности можно разделить примерно на четыре условных категории: 50–60 % – условно-успешно адаптированные; 15–20 % – с выраженной в той или иной мере хронической дезадаптацией агрессивно-конфликтного типа; 10–15 % – с хронической дезадаптацией депрессивно-суицидального типа.

Выявляются осужденные, склонные к гомосексуальным связям, побегу или захвату заложников, отмечаются акты неповиновения законным требованием администрации.

Низкий уровень субъективного контроля и склонность приписывать ответственность за совершенные особо тяжкие преступления, наряду с объективными характеристиками совершенного преступления, являются основополагающими в оценке социальной опасности осужденных, отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы.

Среди отбывающих пожизненное лишение свободы преобладают психопаты, алкоголики и лица с остаточными явлениями травм черепа, что предопределяет необходимость оказания им психиатрической помощи. Она нужна и другим осужденным, поскольку по мере нарастания времени пребывания в тюремных камерах среди них будет увеличиваться доля людей с различными формами расстройства психической деятельности. Названные расстройства во многом определяют перечисленные выше психологические характеристики и психические состояния лиц, отбывающих длительные и сверхдлительные сроки лишения свободы.

Учитывая особенности личности осужденных отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы, на наш взгляд, необходимо внести ряд изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство в части условий содержания данной категории осужденных.

1. Для обеспечения эффективной индивидуальной работы с осужденными (среди которых около 70% психически аномальные личности), их дальнейшей адаптации к условиям строгой изоляции необходимо непосредственное участие психиатра. Ранее такие предложения уже высказывались Ю.М. Антоняном, В.А. Верещагиным. Участие психиатра в тандеме с психологом позволяет не только фиксировать наличие осужденных со значительными отклонениями в психике, но и выработать тактику индивидуального воздействия на осужденного с целью «блокирования» разрушительных процессов личности. Рекомендации специалиста-психиатра могут быть положены в основу принятия мотивированного решения по изменению условий содержания (перевод осужденного из одной камеры в другую, предоставление определенных льгот и т.д.).

2. В ч. 3 ст.127 УИК РФ определяется порядок перевода из строгих условий отбывания наказания в обычные, при этом устанавливается десятилетний срок. На наш взгляд, этот срок может быть снижен до семи лет, поскольку проведенные в этой области исследования убедительно доказывают, что длительное пребывание осужденного в условиях строгой изоляции (камерная система) отрицательно сказывается на индивидуально-воспитательной работе и в дальнейшем полностью нейтрализуется психико-педагогическое воздействие.

СОДЕРЖАНИЕ

Уткин В.А. А.Л. Ременсон и томская школа уголовно-исполнительного права 3
Филимонов В.Д. А.Л. Ременсон как ученый 8
Тирский В.В. А.Л. Ременсон как педагог 12
Любарский А.Ф. Теоретико-правовые идеи профессора А.Л. Ременсона и их влияние на развитие научно-исследовательской деятельности в Томском филиале Академии права и управления Минюста России 15
Прозументов Л.М. Роль и место криминализации и декриминализации деяний в системе правовых наук 20
Валеев М.Т. О разграничении понятий криминализации и пенализации общественно опасных деяний 26
Писарев О.М. Специфика понятий «декриминализация» и «исправление» личности в пенитенциарной психологии 32
Капитонов С.А. Милиция и правопорядок: парадоксы взаимодействия 36
Мицкевич А.Ф. Страх перед уголовным наказанием – основное содержание специально-предупредительного действия уголовного наказания 40
Швыдкий В.Г. О понятии субъективной стороны уголовного наказания 48
Антонов А.Г. Цель наказания – восстановление социальной справедливости 53
Гришко А.Я. О правовой природе помилования 56
Захцер Е.М. Практика рассмотрения ходатайств осужденных о помиловании 62
Ольховик Н.В. Продление испытательного срока при условном осуждении 67
Тараленко К.Н. Понятие рецидива преступлений условно осужденных несовершеннолетних 72
Уткина С.С. Штраф и лишение свободы 76
Чубраков С.В. Общественные (обязательные) работы в Германии 81
Черненко Т.Г. Некоторые вопросы аннулирования судимости 88
Бортник Л.Ю. Некоторые проблемы реализации осужденными к лишению свободы своих имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав 91
Ланкин Н.И. О повышении трудовой и общественной активности осужденных к лишению свободы 97
Щеглаков С.А. Сравнительно-правовая характеристика обращений осужденных к лишению свободы по исправительно-трудовому законодательству Украины и России 102
Горобцов В.И. Средства обеспечения режима в исправительных учреждениях и их система 105
Волошин Д.В. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и направления ее использования 110
Разбирин В.В. Проблемы воспитательных колоний 114
Языков Е.Д. Подготовка к освобождению осужденных из воспитательных колоний 119
Лозинский И.В. К вопросу о критериях отнесения деяний к экономическим преступлениям 125
Детков А.П. Особенности личности осужденных, отбывающих сверхдлительные сроки лишения свободы 128

Научное издание

Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права

Редактор *Т.В. Зелева*
Компьютерная верстка: *Д.М. Кижнер*

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.01 г. Подписано в печать 19.12.2003.
Формат 60x 84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Печ. л. 8,5; усл. печ. л. 7,9; уч.-изд. 7,2. Тираж 500. Заказ № 2

ФГУП «Издательство ТГУ», 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Кузнечный взвоз, 1

1-931393

Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00500510